

18+

Бестселлер №1 The New York Times

ПОЛНОЧНЫЙ ПОЕЗД

Вселенная
«Полночной
библиотеки»

Роман
опубликован
в 25 странах

МЭТТ ХЕЙГ

В переводе Наили Агдеевой

«Безграничные возможности, новые жизни, совершенно иной мир –
это именно то, что нужно в наши беспокойные времена»

The New York Times

Мэтт Хейг
Полночный поезд
Серия «Полночный мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74438281

Полночный поезд: Лайвбук; Москва; 2027

ISBN 978-5-907784-92-5

Аннотация

Когда вся жизнь проносится перед глазами, на каком моменте вы бы захотели остановиться? Пусть никто не может изменить прошлое, но Полночный поезд способен вернуть вас туда. Дать шанс заново пережить самые важные мгновения, увидеть, каким человеком вы были на самом деле.

Лучшие дни Уилбура были связаны с Мэгги – любовью всей его жизни, с их медовым месяцем в Венеции. Но он все разрушил... Так что сейчас он мечтает вернуться назад и прожить жизнь иначе. Однако такая возможность может стоить ему всего.

Волшебная история любви и путешествий во времени расширяет знакомую читателям всего мира вселенную «Полночной библиотеки».

Содержание

Медовый месяц	6
Нить	13
Мэгги	16
Фрагмент	21
Последняя страница письма Мэгги	22
Непреодолимо далекое	24
Станция «Уилбур»	25
Полночный поезд	27
Что несла Агнес	30
Выбор Агнес	34
Желтое небо	38
Истинное «я»	40
Путешественник во времени	43
Мертвые, взирающие на свое прошлое	47
Дух	50
Мистер Паркин	53
Проносится так быстро	59
Пыль	61
Принятие	66
Первый раз, когда он увидел ее	67
Осколки	76
Портрет	81
Скорость дружбы	85

Книжный	88
Важность малозначительных вещей	91
Скамейка	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мэтт Хейг

Полночный поезд

Посвящается Андреа

THE Midnight Train

Matt Haig

Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC

*Иллюстрация на обложке Nathalie Lees / Brilliant Artists
Адаптация обложки для русского издания Дианы Левандовской*

Copyright © 2026 by Matt Haig

© Наиля Агдеева, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD,
2026

Медовый месяц

Водное такси мчалось по лагуне, а молодожены с трепетом, с благоговением смотрели вперед.

Уилбур прильнул к Мэгги и сжал ее руку. Они сидели на корме маленькой лодочки, перед ними на воде сверкали солнечные блики.

– Я люблю тебя, мистер Бадд, – сказала она ему легко и естественно, будто выдохнула.

– И я тебя люблю, миссис Бадд.

Мэгги тихонько рассмеялась, так забавно и официально это прозвучало.

Они держались за руки, пока лодка медленно двигалась в сторону города, их пальцы переплелись, как спутанные корни. Было девятое августа 1974 года.

Уилбур перевел взгляд от открывавшегося перед ним вида на человека, которого знал с самого детства.

– Мы ведь всегда будем такими? – спросила его Мэгги.

Он ободряюще улыбнулся.

– Конечно. Почему нет?

Когда лагуна влилась в Гранд-канал, они поцеловались.

– Не знаю. Время все меняет.

– Погляди на Венецию. Она не меняется уже сотни лет. Такая же – что в 1574 году, что в 1974.

Она посмотрела на город.

– Да. Давай забудем о времени. Давай будем Венецией.

Он смотрел, как она поднимает фотоаппарат «Пентакс», свадебный подарок ее отца, и направляет его на Дворец дождей, на его бело-розовый каменный фасад и замысловатые арки, которые возвысились над лагуной, словно лихорадочный сон о Византии.

– Навеки, – добавил Уилбур, смеясь.

Она провела рукой по его растрепанным волосам, которые, пожалуй, никогда еще настолько не отрастали.

– Да, на веки веков...

Лодка немного замедлила ход.

– Приехали, – сказал лодочник, указывая на красивое, но немного обветшалое терракотовое здание. – Отель «Прозерпина».

Уилбур и Мэгги раньше не бывали за границей, так что увиденное показалось им экзотичным и многообещающим. И в тот момент они не заметили фигуру, наблюдающую за ними с берега, настолько похожую на самого Уилбура, что отличить было просто невозможно.

Час спустя они сидели в спокойной тишине, попивая вино в тени кафе у Гранд-канала и любясь городом.

Уилбур не переоделся после самолета и остался в тех же сандалиях, расклешенных джинсах и зеленой рубашке с короткими рукавами и огромным воротником, а на Мэгги был оранжевый комбинезон. Он сказал, что она выглядит, как кинозвезда, а она велела ему прекратить ерничать, но все

равно улыбнулась.

Мимо промчался вапоретто с туристами. Мэгги погрузилась в воспоминания о свадьбе.

– Я никогда не видела твою маму такой счастливой. Она ни слова не сказала о... – она прервалась, чтобы не испортить момент.

– Даги? Так и есть, ни слова. Я еще не видел маму такой. С тех пор, как это случилось. Думаю, дело в джине. Твой отец тоже...

– Посмотри-ка на себя, – сказала Мэгги, улыбаясь под лучами солнца.

– Чего?

– Сидишь, откинувшись на спинку стула, как император.

– Я просто счастлив.

– Так и должно быть. У тебя же медовый месяц.

Уилбур почувствовал, как она внимательнее в него всмотрелась.

– Ты же не думаешь о магазине?

Он покачал головой.

– Вообще-то нет, – солгал он. Ну, почти солгал. – Сейчас я думаю только о тебе. И эта мысль меня сильно занимает...

В тот момент это блаженство казалось чем-то незначительным. Оно текло сквозь их пальцы, как ручей, а они представляли, что так будет всегда, что ручей никогда не иссякнет. Он просто будет течь, и им никогда не придется думать, где его исток. Не придется прилагать никаких усилий, чтобы

зачерпнуть и испить из него, как будто жизнь навеки стала медовым месяцем.

После вина они направились к церкви Святого Иоанна Милостивого¹. Когда на горизонте показался мост Риальто², Мэгги игриво спела отрывок из своей любимой песни «Мост над бурными водами»³.

Они шли мимо элегантных итальянских пар. Расстегнутые рубашки, роскошные платья. Уличный музыкант, играющий на аккордеоне. Пожилой американец, курящий трубку и беседующий со своим спутником о джазе.

– Так непривычно, правда? – заметила Мэгги.

Она подняла глаза и огляделась вокруг, впитывая буйство красок. Терракотовый и розовый, чуть желтого, темно-синие ставни – на солнце все выглядело словно облитое медом.

– По сравнению с чем?

– С тем, что мы знали до этого.

* * *

Он рассмеялся. Он никогда еще не был настолько счастлив. В отдельные темные дни он, случалось, вообще не представлял, что может испытывать счастье. Просто прогули-

¹ Церковь Сан-Джованни-Элеозинарио в Венеции. Здесь и далее прим. пер.

² Один из четырех мостов через Гранд-канал в Венеции.

³ *Bridge Over Troubled Water* – песня американского дуэта «Саймон и Гарфанкель» из одноименного альбома, вышедшего в 1970 году.

ваться вдоль канала и смотреть на женщину, которую боготворишь.

Он повернулся к Мэгги, она просияла широкой жизнерадостной улыбкой. Ее лицо было таким же открытым и чистым, как при их первой встрече. И она сама была такой же. Крепкой, как шеффилдская сталь⁴, и теплой, как солнце. Он был заморожен ею. Благодаря ей он на время забывал про раны прошлого, и надеялся, что оказывает такой же эффект на нее. Он не хотел влюбляться – ни в нее, ни вообще в кого-либо. Любовь – штука опасная. Но теперь, когда это произошло, он радовался. Рядом с ней он чувствовал себя цельным, словно вопрос, который нашел свой ответ.

Уилбур остановился поцеловать Мэгги у подножия моста Риальто.

– Мы могли бы переехать сюда, – сказал он.

Затем, несколько минут спустя, когда они проходили мимо книжного киоска на мосту, добавил:

– Я мог бы продать магазин.

Он пошутил. В конце концов, они только что приехали. Но в каком-то смысле он говорил серьезно. В том смысле, что он соприкоснулся со своими внутренними свободой и спонтанностью.

– И чем бы мы тут занимались? – спросила Мэгги, выпуская на волю фантазию.

⁴ Шеффилд – город в Англии, который в XIX веке получил международную известность благодаря сталелитейному производству.

– Ты могла бы писать картины... или водить экскурсии по галереям.

– А ты мог бы открыть небольшой книжный киоск, вроде того, что на мосту.

И тут Уилбур услышал шепот. Что-то прямо возле уха. Холодное дыхание.

Непусти момент.

Уилбур невольно коснулся уха.

– Все хорошо, любимый? – спросила Мэгги.

– Ага, кажется, просто комар.

И он не придал этому значения. Иногда мысли звучали громко. Вот и все.

Он взял руку Мэгги и сжал ее. В центре толпы, на жаре, он чувствовал себя немного заторможенным и растерянным, но все равно счастливее, чем когда-либо.

Они продолжали идти, но вскоре внимание Уилбура привлекло кое-что еще. То, что нельзя было проигнорировать. Мэгги обеспокоенно взглянула на него. Может быть, подумала она, он вспомнил своего брата. Но нет. Впереди, под портиком, рядом с магазинчиком, продающим фигурки из стекла, предстало настолько странное зрелище, что Уилбур ужаснулся.

Человек, едва различимый. Не прозрачный, но и не совсем *настоящий*. Тот самый человек, который видел, как они пришли, но на этот раз не оставшийся незамеченным. Человек, поразительно похожий на самого Уилбура. Двой-

ник. Те же сандалии, расклешенные джинсы, зеленая рубашка с короткими рукавами и огромным воротником. Растрепанные волосы и широкие бакенбарды. Стройный, ростом в сто восемьдесят пять сантиметров. Двадцатидевятилетний Уилбур образца августа 1974 года. Тот, перед которым лежит весь мир.

Другой Уилбур, казалось, увидел, что его заметили, и помахал, как будто ничего необычного не происходило. Уилбур слегка поднял руку.

– Уилбур, все хорошо? – обеспокоенно спросила Мэгги.

Он не хотел ее волновать и покачал головой.

– Ага. Просто крыша от жары немного едет.

– Ну же, приятель, – сказала она, преувеличивая свой северный акцент. – Прописываю тебе добротную жутковатую церковь и Тициана, от которой челюсть отвиснет.

Он рассмеялся. Но, спускаясь по пандусу, он услышал что-то еще.

Слабый свист, ритмичное пыхтение.

Словно поезд, отъезжающий от станции.

Нить

Пятьдесят два года спустя...

Уилбур Бадд умер около полуночи, но подробности вспоминал с трудом.

Он стоял на гравийной подъездной дорожке своего дома и прощался с учительницей фортепиано.

– Спасибо, – сказал он, немного запыхавшись, пройдя через весь дом. – Хорошего вам вечера сегодня в Кембридже.

Она открыла дверь ожидавшей ее машины. Учительнице фортепиано было за сорок. Вдвое моложе его. Но, казалось, она уже поняла жизнь. Она улыбнулась, стоя в лучах после-полуденного солнца, как раз когда садовник Уилбура проехал мимо на садовом тракторе, приводя в порядок лужайку, которая спускалась к границам диких лугов. Стоял апрель, суббота. Голубое небо, легкий ветерок, далекий шум транспорта не заглушал пение птиц. Один из тех ярких, прохладных деньков, которые весной вселяют надежду.

– Спасибо. И за беседу тоже. Помните мои слова: не торопитесь, когда играете. Не спешите... Медленно, но верно. В конце концов все получится.

– Да, – сказал Уилбур. – Полагаю, что так.

У него слегка закружилась голова. Немного подташнивало.

Уилбур поднял слабую руку, открыл нажатием кнопки во-

рота, помахал на прощание, когда учительница покатила по проселочной дороге, и поплелся обратно к дому, до которого было всего несколько шагов.

Уроки игры на фортепиано он брал уже два года, с тех пор, как увидел рекламу на витрине музыкального магазина. Врач говорил, как важно учиться новому, когда тебе уже за восемьдесят, и Уилбур каждую неделю с нетерпением ждал занятий.

Войдя внутрь, он прошел по каменному полу через огромную гостиную к пианино.

Он снова почувствовал себя неважно. На этот раз давило в левом плече, но прошло. Он сел и снова начал играть тот же отрывок, стараясь не спешить.

Музыка, как ничто другое, способна пронизывать десятилетия. Песня, в конечном счете, – это игла, тянущая нить времени, сшивающая разрозненные моменты во что-то цельное. Светлая грусть. Игла могла уколоть. А в этом отрывке было слишком много воспоминаний. И все же его жизнь была такой, какой была. Другой ему не иметь.

Он доиграл примерно до середины отрывка, изо всех сил пытался дотянуться мизинцем до ми-бемоля, когда зазвонил телефон. Стационарный. Дошел он до него небыстро. Ноги были не те. Все уже было не то. Он приготовился опять услышать рекламу или телефонного мошенника с роботизированным голосом. Только такие звонки он, считай, в последнее время и получал.

Но нет. То был не робот и не мошенник. Ничего общего с маркетингом или искусственным интеллектом.

– Алло, Уилбур?

Голос, который он не слышал уже очень давно. Несколько десятилетий, если быть точным. Он звучал немного тише. Немного слабее. Но это определенно была она.

Мэгги

– Мэгги. Боже. Мэгги, это ты?

Он слегка запнулся и опустился на ближайший стул.

На другом конце комнаты, над камином, окруженная со всех сторон наградами «Бизнесмен года Британии», возвышалась свадебная фотография. Уилбур и Мэгги выходят из церкви.

– Да, это я.

– Откуда у тебя мой номер?

И тут же отругал себя за этот вопрос. Он прозвучал так пассивно-агрессивно. Больше всего на свете Уилбур хотел, чтобы у нее был его номер, и чтобы она набрала его, но произнес он это совсем неправильно.

– Ты же сам мне его дал, помнишь? В сообщении на Фейсбуке⁵ шесть лет назад.

– Ах, да, точно. Я думал, ты не увидела.

– Увидела. Я не пользуюсь Фейсбуком, но его прочитала.

Просто не знала, что ответить...

Уилбур снова почувствовал давление в плече. Он смотрел на свадебную фотографию сквозь искажающий плексиглас одного из трофеев. Смех Мэгги и простодушная улыбка Уилбура. На бумаге их брак длился двадцать лет. Хотя, если

⁵ Facebook принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, деятельность ее сервисов на территории РФ запрещена.

честно, распался он гораздо раньше. Но тогда, в прошлом, он должен был быть навеки.

– Где ты?

– В Шеффилде. А ты? В Бедфордшире?

– Да. Клофилл. Прелестная деревушка, – и он чуть было не добавил: *«Но здесь одиноко»*. – Мэгги, я так рад тебя слышать...

Было странно. После стольких лет он не знал, о чем с ней говорить. Словно течение времени привнесло свой собственный официоз. Как человек, рядом с которым ты когда-то спал каждую ночь, мог стать таким чужим за годы молчания? Как будто, за исключением краткосрочных перерывов, естественной формой существования человечества была непреодолимая дистанция между друг другом.

Он попытался снова:

– Я столько всего хотел тебе сказать. Спросить. Загладить вину за...

– Не глупи, Уилбур. Столько воды утекло под мостом...

– Забавно, что ты про воду. Я учусь играть на пианино, – он опустил взгляд на свои обветренные временем руки. Вены словно вырисовывали карту неизведанного города. – Занятия каждую субботу. Я только что играл «Мост над бурными водами» и вспоминал, как ты любила ее. Словно действительно вернулся в прошлое.

– Старые добрые времена.

– Да. Старые добрые времена...

– Уилбур. *Уилбур*.

Во второй раз его имя прозвучало твердо. Он понял, что просто болтает без умолку и не интересуется ею.

– Прости, Мэгги. Как твои дела? Столько времени прошло. Я видел в интернете, что у тебя была выставка...

– Ой, это было много лет назад, – сказала она почти застенчиво. – Я почти забросила искусство.

Он боялся, что она вот-вот скажет ему, что умирает. Казалось, люди из прошлого связывались с ним сейчас только по этой причине: сказать, что умирают сами или кто-то из его знакомых.

– Правда, как-то глупо.

– Что глупо?

– Этот звонок.

– Приятно тебя слышать.

– Вообще-то, я звоню просто так. На самом деле, я долго убеждала себя, что ни за что не стану...

– Ой, точно. Да.

– Не потому, что злюсь, ничего такого. Просто это как-то грустно, правда? Но недавно я подумала, что хорошо бы... ну, услышать твой голос. Что звучит нелепо.

– Нет, вовсе нет, – и он улыбнулся. – Мой голос – вполне особенный.

Ее тихий смешок закончился на грустной нотке.

– Ну, у тебя остался акцент. Чуть-чуть.

– Чуть-чуть.

– Полагаю, что могла просто послушать твою речь в интернете. Или какое-то интервью по телеку.

– Ох, лучше не надо...

– Просто хотелось услышать тебя.

Он вспомнил, как сидел рядом с Мэгги на скамейке в парке, пока она рисовала пруд, как будто в прошлой жизни.

– Вот он я. Мне о стольком хочется тебя расспросить. Столько всего узнать.

Повисла недолгая пауза. Он представил, как она думает: *«Ах, если бы ты всегда был таким».*

Он думал обо всем, чего не знал о ней. Обо всех тайнах, которые появились за десятилетия их разлуки. Есть ли у нее кто-то? Был ли вообще? Счастлива ли она? Завела ли новых друзей? Остались ли старые? Какие передачи она смотрит? Как проводит свои дни? Хорошей ли была ее жизнь? Ее здоровье? Может ли она все еще нормально ходить? Что думает о том, куда катится этот мир? Какой вид открывается из ее окна? Пробовала ли она когда-нибудь матчу? Как она *вообще*?

– Не знаю, хочу ли я тебе что-то рассказывать, – сказала она ему.

Его разум затуманился.

Он еще немного поразглядывал свадебную фотографию. Улыбка Мэгги в августовском солнечном свете, когда она выходит из церкви Святого Тимофея прямо в облако конфетти. Такое счастье. Их старые друзья по краям снимка –

Чарли, Клодетт, Дорин. Просто имена теперь. Он даже не знает, живы ли они сейчас. Хрупкость прошлого.

– Прошлой ночью ты мне приснился, – сказала Мэгги. – Мы оба вместе. Ничего особенного во сне не произошло. Но он был таким ярким. Время до Лондона. Мы были в доме в Брумхилле, болтали как ни в чем не бывало. Но мы были счастливы. Так счастливы. Какая глупость. Интересно, почему именно прошлой ночью...

– О, Мэгги. Мне мы тоже снялся.

– Обычно я не запоминаю сны, но этот сегодня утром вспомнила. Прости. Думаю, пора класть трубку. Уже перебор. Мне просто нужно было...

– Тебе просто... – Уилбур прервался.

Он хотел, чтобы она осталась на связи. Коротко услышать ее голос, а потом осознать, что все кончено, было настоящей пыткой. Но он знал: она ничего ему не должна. Жизнь была такой, какой была. Никто не мог изменить то, что произошло. А произошло много чего. Просто так всегда и должно было быть.

И все же он не смог сдержаться.

– Я бы хотел снова с тобой поболтать. Если ты не против.

– Хорошо, – ответила она слабым постаревшим голосом. – Я бы тоже хотела.

Фрагмент

Он положил трубку и понял, что ему не хватает воздуха. Как будто марафон пробежал. Но его внезапно охватило желание кое-что найти. Ему нужно было ее письмо. Доказательство их отношений, или, вернее, первое свидетельство их расставания.

Он много лет его не видел. Оно лежало под самой крышей, на чердаке, за дверью. Он пошел туда и, опустившись на четвереньки, забрался поглубже в чулан, минуя хаос из старых счетов, документов и бизнес-журналов. Пылинки кружились вокруг его головы, как миниатюрная галактика.

– Что ж ты делаешь, Уилбур? – пробормотал он про себя. – Старый ты дурак.

А потом он нашел его. По крайней мере, одну страницу. Последнюю. Он безуспешно пытался отыскать остальные, игнорируя стремительное ухудшение самочувствия. Теперь он еле дышал, а когда встал в полный рост, закружилась голова. Он собрался с силами и спустился вниз, держа в руках пожелтевший листок.

Последняя страница письма Мэгги

...Ты всегда где-то далеко, даже когда рядом со мной.

Мне важно не стать жертвой фантазий. Сомневаюсь, что мне доведется повидать мир. Предполагаю, растущая потребность моего отца в заботе надолго привяжет меня к Шеффилду.

В любом случае, это нелегко.

Знаю, ты считаешь меня сильной, но это не так.

Сейчас я чувствую себя хрупкой, как лист на ветру.

Кажется, я задержала дыхание на то время, что писала это письмо.

Чувствую, если выдохну, то заплачу и не смогу остановиться.

Знаю, в молодости ты многое пережил, как и я. Но мы не можем вечно оставаться в этой ловушке. Я не могу исправить тебя. Я и себя-то не могу исправить.

Это разбивает мне сердце, но иногда нужно позволить сердцу разбиться, чтобы жить дальше.

Я хочу, чтобы ты понял это.

Я хочу, чтобы ты понял также то, что наша любовь не исчезнет. Помнишь мою глупую теорию об искусстве? Что люди стареют рядом с искусством, но оно само остается юным? Думаю, в каком-то смысле это верно и для памяти. Не знаю, как объяснить, но мне хочется верить, что мы все еще каким-то необъяснимым

образом находимся в театре в тот день, когда ты подошел ко мне. Или в день нашей свадьбы. Или во время медового месяца. Или смотрим на звезды одним хмельным вечером. Или, счастливые, клеим обои в Брумхилле.

Я люблю тебя, Уилбур.

Но я ухожу от тебя.

Не знаю, где скрывается прошлое, но я встречу там с тобой.

Целую,

Мэгги

Непреодолимо далекое

Читая эти строки, Уилбур ощутил сильную боль в шее. Она побежала вниз по руке, и к ней присоединилось давление в груди. К тому моменту, когда он дочитал, боль настолько усилилась, что увела остальное на второй план, и все вокруг казалось непреодолимо далеким. Шатаясь, он вышел на улицу, чтобы позвать на помощь садовника Джоша, занятого садовым трактором. Уилбур добрался до лужайки и упал ничком, а письмо, которое он уже вряд ли перечитает, осталось в доме на кухонном полу.

Станция «Уилбур»

Уилбур не очнется в карете скорой помощи. Не очнется он и в больнице Бедфорда. Спустя минуту после полуночи его сердце стукнет в последний раз.

Он был мертв.

И самое интересное в смерти то, что, когда ты мертв, у тебя нет *мысли*, что ты мертв. Как и жизнь, смерть приходит сама собой.

Это не значит, что не было замешательства. Или тревоги. Конечно, все это было.

Но сначала, сразу после смерти, он почувствовал свет.

Не тот белый свет, о котором обычно рассказывают. К нему не нужно было идти, он просто светил и все. Он был скорее мягким желтоватым сиянием, как солнечные лучи, пробивающиеся сквозь плотный слой облаков.

На мгновение он почувствовал спокойствие.

Гармонию.

Может быть, вот оно. Может быть, так и будет дальше. Вечное парение в золотом свечении. Душа, застывшая в счастливой пустоте.

Существование вне времени, давления или забот.

Но затем он начал падать, не имея под собой ничего, словно набирал вес, пока не приземлился обратно в себя. Или туда, где было как в себе самом. Вроде как в теле. Уилбур огля-

делся. Он оказался в каком-то более темном месте, но все еще мог кое-что разглядеть. Позади него обнаружилась стена из красного кирпича, внизу – брусчатка. Место немного напоминало первую железнодорожную станцию, на которой он побывал, но вместо «Шеффилд» вывеска гласила «Уилбур».

Его опыт смерти выглядел как железнодорожная станция. Безлюдная платформа и вокруг – ничего. Даже поезда нет. – Это... – произнес он на выдохе.

Но закончить предложение не смог, таким сильным было потрясение. Даже то, что он говорил, шокировало. В голове вибрировало, словно там грохотали гигантские космические оркестровые тарелки.

Мощная дорожка заканчивалась неподалеку обрывом, ведущим к стальным рельсам и деревянным шпалам железнодорожного пути.

Нечто закружилось в воздухе у него перед глазами.

Небольшой прямоугольный листочек. Он протянул руку и поймал его. На нем было напечатано следующее:

Билет в одну сторону

Полночный поезд

Время отправления: 00:01, воскресенье, 19 апреля

– Здесь есть кто-нибудь?

Но никого не было. Оставалось только ждать.

Полночный поезд

Учитывая, что это была смерть, самым странным ему показалось то, что он впервые за много лет задышал полной грудью.

Это, очевидно, не было *настоящим* дыханием. Но ощущалось таковым. словно мышечная память души. Таким же было ощущение собственного тела. Или нет. Оно казалось не совсем реальным. Тело, в котором он находился теперь, не болело и не ныло. Чувствовалось, что пальцам было бы легко играть на пианино.

Он посмотрел вниз и увидел, что на нем расклешенные джинсы, зеленая полиэстеровая рубашка с короткими рукавами и легкий пиджак с широкими лацканами. Пальцы ног торчали из сандалий, которые он не носил с семидесятых годов. И никаких мозолей. Он увидел свои руки, молодые и загорелые.

И кожа лица тоже была юной. Не *совсем* юной – ощущалась короткая щетина, – но подтянутой и относительно гладкой. За исключением густых бакенбардов.

Внутри бурлила энергия, совершенно удивительная. Как будто пламя, которое годами колебалось и гасло, вспыхнуло заново и теперь хотело, чтобы им восхищались. В этом и заключалась главная проблема жизни: она дает тебе новый день сразу после предыдущего, поэтому каждое чудо,

достойное восхищения, становится нормой, которую легко игнорировать. Но теперь он снова почувствовал себя таким.

Живым.

И тут он что-то услышал.

Медленно усиливающийся шум.

Механическое пыхтение. Мощно нарастающий ритм, сопровождаемый свистом. Поезд.

Когда поезд приблизился, Уилбур увидел клубы пара. Паровоз. Он признал в нем трехцилиндровый пассажирский экспресс, за которым тянулись вагоны. В детстве у него был точно такой же, только игрушечный. Его гордость и радость. «Герцог Глостерский»⁶. Он выглядел точно так же, но был больше и сиял глубоким темно-синим великолепием.

Однако вместо надписи «Герцог Глостерский» на серой табличке сбоку котла крупными черными буквами было написано:

ПОЛНОЧНЫЙ ПОЕЗД

Кто-то вышел из первого вагона.

Старомодная, но не особо старая на вид женщина.

Она была одета на манер былых времен. Возможно, тех же, из которых прибыл и поезд. Длинная юбка-карандаш,

⁶ «Герцог Глостерский» (официальное название BR Standard Class 8 No.71000 Duke of Gloucester) – британский пассажирский паровоз, построенный в 1954 году для железнодорожного транспорта Великобритании. Был единственным в своем классе, проектировался как мощный локомотив для тяжелых экспресс-поездов, но прослужил недолго из-за перехода на дизель и электричество.

строгая блузка, шляпка-клош. Идеальная осанка и маленький строгий рот. Кажется, он где-то ее уже встречал.

– Доброго денька, я ждала тебя, – сказала она отрывисто, слегка дрожащим голосом; акцент звучал тоже старомодно и сразу же показался ему знакомым, но он не мог вспомнить, где слышал его.

– Извините, – сказал Уилбур. – Простите, что спрашиваю, но *кто* вы?

– Давай перейдем на «ты». Меня зовут Агнес, а это – Полночный поезд.

Смерть, похоже, означала и смерть здравого смысла.

– Извините великодушно, – сказал он. Раздраженно, растерянно, испуганно. – Но... Простите, что спрашиваю, но что, черт возьми, вы несете?

Что несла Агнес

– Когда маленьким мальчиком ты заходил в книжный магазин «Багдейл», за много лет до того, как начал сам там работать, ты видел пожилую женщину, владелицу магазина, – сказала Агнес. – Так вот, этой женщиной была я.

– Миссис Багдейл! – воскликнул Уилбур, и все встало на свои места.

Миссис *Агнес* Дебора Амариллис Багдейл из книжного магазина «Багдейл» на улице Коммершиал в Шеффилде. В ее время – еще до Уилбура – этот магазин был прекрасен внутри, но довольно непримечателен снаружи, за исключением того, что находился рядом с пекарней. Прохожие, которые останавливались поглядеть на книги в витрине, вдыхали запах хлеба, обладающий поистине волшебным эффектом и придающий историям, которые привлекли их внимание, столь уместный аромат свежей выпечки.

Магазин процветал по трем причинам.

Во-первых, у него не было конкурентов: это был единственный книжный в городе с населением почти в пятьсот тысяч человек.

Во-вторых, это был такой магазин, куда никто не боялся заходить. Отчасти потому, что там жила жесткошерстная фокстерьерша по кличке Клементина, которая всегда лежала на единственном клочке пола, который не был в тот момент

оккупирован стопками романов.

И третья причина, основная, – это сама владелица книжного магазина, миссис Багдейл. Она была родом из Нориджа, но переехала в Шеффилд и открыла книжный магазин после гибели ее мужа в окопах под Ипром⁷.

Агнес Багдейл любила книги и любила людей, и верила, что жизнь может стать лучше, если больше людей будут читать больше детективов. Кроме этого, или благодаря этому, она обладала почти сверхъестественной способностью подбирать нужную книгу для нужного человека. Она могла поговорить со сталелитейщиком, который не читал с детства, и за минуту понять, какая книга идеально ему подойдет. Если в его глазах особым огоньком горела ностальгия, она могла посоветовать ему, например, «Машину времени» Герберта Уэллса. А если его внимание было приковано к Клементине, она могла порекомендовать «Историю доктора Дулиттла» Хью Лофтинга.

– Книги, – сказала она однажды, – зеркала души. Поэтому, если поймать отблеск чьей-то души, то можно понять, какое ему подойдет зеркало.

Магазин процветал. Но в конце концов здоровье Агнес ухудшилось, и дело перешло ее сыну Артуру. Так вот, Артур Багдейл был способным малым, но ему не доставало материнского таланта к продаже книг или ее обаяния. И с тече-

⁷ *Ипр* – город в Бельгии, район ожесточенных боев Первой мировой войны. С 1914 по 1918 под Ипром погибли сотни тысяч солдат.

нием десятилетий страсть, индивидуальный подход и фокс-терьерша сменились *ощущением рутины*.

И все равно Уилбур всегда любил этот магазин. Будучи ребенком, в 1950-е, уже после того, как Артур – для него мистер Багдейл – взял бразды правления в свои руки, он часто заходил туда. Уилбуру нравилось в магазине, даже когда мистер Багдейл брюзжал, что парень никогда ничего не покупал.

И пару раз он встречал ее, Агнес Багдейл, уже в преклонном возрасте, когда она, задыхаясь от бронхоэктаза, сидела в кресле и читала Рэймонда Чандлера, Патрисию Хайсмит или какой-то другой запутанный детектив. Часто она ругала сына за то, как он вел дела в магазине, за отказ следовать ее принципам книготорговли или просто велела ему относиться к Уилбуру по-доброму.

И вот она сейчас стоит перед ним. Добрая, но внушительная и, возможно, непреклонная женщина, которую он видел на фото в глубине склада «Багдейл».

– Пожалуйста, зови меня Агнес.

Уилбуру был восемьдесят один год, к тому же он умер, но он кивнул, как получивший выговор школьник.

– Прости, Агнес.

– Ты знал меня на закате моих дней, но теперь видишь такой, какой я была в 1921 году. В самом расцвете! – подтвердила Агнес. – Счастливой, за год до того, как открыла магазин.

– Понятно.

Ее лицо на секунду заволокла грусть. Сожаление, слишком глубокое, чтобы высказать вслух. Она взяла себя в руки, сделала быстрый вдох и выпрямила спину. А затем рассказала ему всё.

Выбор Агнес

– Я – дух. Но не обыкновенный. Я здесь, чтобы стать твоим проводником по твоей же жизни. По той, которую ты только что прожил.

– Но...

– Видишь ли, молодой человек, я знаю, что ты умер в восемьдесят один год... но взгляни на себя. Красив и молод.

Он снова посмотрел на гладкую кожу своих ладоней.

– Полагаю, я – твоя личная инструкция по применению. А Полночный поезд – это просто путешествие, которое в конце жизни совершает каждый. Не обязательно на поезде. Но обычно на каком-то транспорте. У твоего отца был самолет.

Уилбур задумался. Звучало знакомо. Недавно он беседовал с кем-то о загробной жизни, но никак не мог припомнить подробности. Это казалось странным. Как он мог помнить события многолетней давности – например, ту же Агнес Багдейл, – но те несколько дней, что были перед его смертью, вырисовывались смутно. Смерть напоминала туман, который расплзался и медленно рассеивался сам по себе.

– Откуда ты все это знаешь?

– Как я уже сказала, я не обыкновенный дух. Когда я приняла на себя эту роль, решив помогать тебе, меня наделили знанием. Вообще-то я – дух Агнес Багдейл. Но с некоторыми дополнениями, которыми, кажется, меня благословили, что-

бы направлять тебя. Ты проходишь сквозь стены вечности, и вот она я. Полагаю, меня можно представить как душу книготорговца, совмещенную с реальностью времени и вселенной. Так что мне много чего известно. И в основном – о тебе.

– А что *это* такое?

– Это смерть. Когда вся жизнь проносится перед глазами. Вот как оно происходит. То быстро, то медленно. Как в жизни...

Хотя Уилбур принял реальность своей смерти, он немного тормозил с принятием ее нюансов. Он сердито посмотрел на Агнес.

– Нет. Прекрати. Это не по-настоящему. Какая-то иллюзия, запоздалая мысль... как сбой в мозгу после смерти... Я как-то смотрел про это... про то, как мозговые волны продолжают некоторое время после смерти...

Она явно была – пытался он убедить себя – какой-то предсмертной галлюцинацией, а по правилам этикета наглубить галлюцинации не возбраняется. И все же ему стало стыдно за свой тон.

Она отряхнула соринку с плеча, а затем одарила его приободряющей улыбкой.

– Послушай, Уилбур, реальность после смерти другая. И к ней нелегко привыкнуть. В поезде ты пребываешь в мире мертвых. Но когда он остановится, ты, старина, вернешься в прошлое. Как дух. В очень реальный и живой мир. А потом, в конечном пункте назначения, – *вечность*.

– Вечность? То есть, рай?

– Ну, это будет зависеть.

– От чего?

– От того, насколько райской тебе кажется идея снова встретиться с людьми.

– Хочешь сказать, я увижусь там с Мэгги?

– Когда она умрет – да. Да, увидишься. И с другими тоже. С теми, которых ты знал при жизни. С твоим братом Даги, например...

Он недоверчиво покачал головой.

– На самом деле, – уточнила Агнес, – в вечности ты видишь того, кого хочешь. Ты свободен. И счастлив – по крайней мере, можешь стать... И т. д., и т. п.

– Могу стать?

– Да. Счастье зависит от того, какой ты видишь жизнь. В этом и есть смысл поезда. Он должен помочь тебе понять твою жизнь... по-настоящему осознать, какой она была. А теперь – момент истины, старина. Билет, пожалуйста.

Он огляделся и заметил, что вокзал на самом деле вовсе не был вокзалом. Он ограничивался одной платформой едва ли длиннее поезда. Мощеная дорожка заканчивалась неровной линией, как оторванный клочок бумаги, а дальше – ничего.

Все это место казалось зависнувшим в космосе.

Идти было в буквальном смысле некуда.

Поэтому, недолго поколебавшись, Уилбур подошел к Агнес и протянул ей билет. И с чувством тревоги ступил на

борт.

Желтое небо

Конструкция была старомодной. Вместо рядов сидений в вагоне тянулись друг напротив друга две длинные мягкие скамейки. Они были обиты изумрудно-зеленым бархатом. Деревянный лакированный пол. Вокруг окон стены отделаны темным деревом.

Поезд тронулся. Сначала он ехал плавно, а Уилбур стоял неподвижно и глядел в окно.

Вывеска «Уилбур» исчезла из виду.

– Поехали, – улыбнулась Агнес.

Он с опаской ждал, что произойдет, когда поезд покинет платформу и двинется в никуда.

А произошло то, что он погрузился в какую-то взвихряющуюся темноту, где редкие лучи света пронизывали черноту, словно ворсинки ваты.

Затем Уилбур заметил свое отражение.

Это был шок.

Он действительно снова молод. Лицо гладкое, не считая широких бакенбардов. Волосы до плеч. И каштановые, а не седые. И локоны снова упругие, как раньше. У него была хорошая осанка. Он выглядел так же, как в 1974. Здоровым, чуть хипповым. В то время ему не нравилась собственная внешность, но теперь-то он понял, что был очень даже ничего. Он выпрямился.

– Стоять, – пробормотал он, когда поезд несколько секунд довольно сильно трясло, от чего он плюхнулся на скамейку.

– Ты в том возрасте, в котором оказался ближе всего к своему истинному «я», – сказала Агнес. – Это такая маленькая фишка у ду́хов, и довольно симпатичная, как мне кажется. Вот такая я сентиментальная.

Уилбур окинул взглядом свои рубашку с короткими рукавами и расклешенные джинсы. Он помнил их по фотографиям.

– *Венеция*, – произнес он. Его первая поездка за границу. – Мне столько же лет, сколько было во время медового месяца. Двадцать девять.

– Да, значит, именно тогда ты был, ну, наиболее *собой*. Он снова повернулся к окну. Это было все равно что смотреть на необычную импрессионистскую картину.

Жутковато-желтое, почти болезненное небо. На заднем плане – расфокусированное размытое пятно из людей и предметов. Но вещи на переднем плане были немного четче.

Слегка подвижные здания раскачивались, больше напоминая лодки в море, чем прочно прикрепленные к земле сооружения.

– И где же мы? Куда едет этот поезд?

– Не куда, Уилбур, – сказала она, безрадостно усмехнувшись. – *Когда?*

Истинное «я»

То была не ночь и не день, и не что-то между.

Небо, как вскоре осознал Уилбур, было подобно самой памяти. Оно могло вместить все сразу.

Военный самолет накренился под опасным углом.

– Это самолет твоего отца... На нем он пытался пролететь под вражеским огнем.

Уилбур посмотрел на старый «харрикейн»⁸.

– Что? Откуда ты это знаешь?

– Я же тебе говорила: я – вселенная. Не хочу показаться нескромной, но я знаю все твое прошлое, включая то, которое еще не успело им стать... И то, что мы видим сейчас, – это воспоминания, которые ты не прожил, но которые существуют внутри тебя, факты, глубоко засевшие в тебе еще до того, как ты их услышал.

Самолет взорвался в небе и исчез. Уилбур искал его, но тщетно, и почувствовал его отсутствие, словно возродившуюся скорбь. Он представлял себе случившееся тысячу раз, в детстве проводил бесчисленные часы, глядя на облака, размышляя, гадая, о чем думал отец в последние минуты. Это было так странно – оплакивать того, кого он даже не знал. Человека, героически погибшего за несколько месяцев до

^{8 1} «Хокер Харрикейн» (Hawker Hurricane) – британский одномоторный одноместный истребитель времен Второй мировой войны.

рождения Уилбура. Видеть рябь на пруду, но не видеть булыжник, который вызвал ее. И еще страннее сейчас видеть, насколько мгновенной была смерть отца, учитывая, как долго он думал о ней.

Он почувствовал, что паника сдавливает грудь. Всепоглощающая, душащая, как будто это случилось только что.

Он рефлексивно зажмурился.

Агнес заговорила:

– Это тяжело переварить, безусловно. Я понимаю. Но ты должен смотреть в окно при любой возможности. Не хочется быть занудой, но весь смысл жизни, которая проносится перед глазами, в том, чтобы увидеть ее.

И Уилбур заставил себя смотреть.

Снаружи картинка становилась немного реальнее. Вырисовывались очертания города. Низкие крыши домов, плотно прижатых друг к другу. Вдали – шпиль. Часовая башня ратуши. Уилбур отметил, что пейзаж больше не колышется.

И тут, с механическим вздохом и хрипом, поезд остановился.

– Что дальше? – спросил Уилбур, а его сердце продолжало бешено колотиться от того, что он стал свидетелем смерти своего отца в небе.

– Ты сойдешь с поезда. А потом, когда снова услышишь его, сядешь обратно. Все очень просто.

За окном он увидел разрушенную стену и груды обломков. Сначала он больше ничего не видел.

Агнес улыбнулась, как встревоженная родительница у школьных ворот.

– Вперед, старина. Твое прошлое ждет. Но пообещай мне одно: ты вернешься в поезд, когда он прибудет. Обещаешь?

У Уилбура не было причин не возвращаться в поезд. В конце концов, он не хотел пропустить вечность.

– Обещаю.

И затем он подошел к двери в передней части вагона, готовый сойти.

Путешественник во времени

Он открыл дверцу вагона.

Теперь он оказался там, где было довольно светло.

Солнечный свет и красивые, похожие на вату облака. Он огляделся и увидел обломки. Акры пыли и кирпичей. Фрагменты стен, как потерянные кусочки гигантского пазла.

На одной стене висело рекламное объявление, почти целое. Старомодный плакат: замысловатое изображение лебедя, стоящего на коробке спичек.

Все было смутно знакомым, но он не мог вспомнить, откуда, пока не увидел ряд викторианских домов.

Он узнал улицу. Это Глоссоп-роуд. В его родном городе. В Шеффилде.

Он снова оказался на той улице на севере Англии, которую знал с детства. На той, которую бомбили немцы в начале войны и которая даже спустя годы походила на пустырь.

– Боже, – пробормотал Уилбур.

За всю свою жизнь он не смог осознать масштаб произошедшего или истину сложных эмоций. Поэтому даже сейчас его утешало собственное негромкое бормотание. *Боже.*

Затем раздался шум. Или, точнее, целая серия шумов. Какие-то мальчишки кричали друг на друга. Он посмотрел чуть вглубь улицы и увидел их.

Дети, одетые по моде другой эпохи – 1945 года, в котором

он родился. Длинные серые шорты и высокие носки, рубашки, один из них – в майке, они орали и играли в футбол.

Чуть поодаль от футбольного поля стоял мужчина с мешком угля за спиной.

Прошлое. Подлинное прошлое там прямо перед ним. Такое же реальное, каким оно было, когда он проживал его.

Уилбур ступал по обломкам. Идти было приятно. Его ноги, бедра и спина снова такие молодые и подвижные.

Приближаясь к улице, он узнал одного из мальчишек. Самого мелкого, стоящего на воротах без особого желания. Знакомая хмурая гримаса на лице Даги. Худой, как шпала. С острыми коленками. На одном ботинке спереди отклеилась подошва. Ему, должно быть, лет семь.

– Даги?.. Даги...

Он был уже близко. Достаточно близко, чтобы брат увидел его.

– Даги... Даги... это я, Уилбур... Даги, дружище!

Даги дернул за нитку на своей потрепанной майке. Даже не отреагировал.

Да он же меня не видит. Я и правда дух.

Эта мысль подтвердилась, когда кто-то пнул футбольный мяч, и Уилбур вздрогнул, потому что тот направился в его сторону по низкой дуге, прямо сквозь грудь и выскочил через спину, а он ничего и не почувствовал.

Здесь, в мире живых, он был всего лишь наблюдателем.

Высокий парень тоже пробежал сквозь него и столкнул-

сы с Даги. Даги полетел на землю. И Даги отреагировал, как всегда.

– Эй, Бобби, осторожнее! Идиот!

– Сам ты мерзкий маленький придурок.

Бобби Томас. Через тринадцать лет тебя арестуют за серию краж на Эклсолл-роуд и отправят в тюрьму города Лидс.

А что касается Даги...

Остальные мальчишки стояли рядом и хихикали. Даги поднялся на ноги и врезал Бобби, мальчику почти вдвое крупнее его. Даги яростно набросился на него, и какое-то время бой был равным.

– Ах, Даги, дружище, – вздохнул Уилбур. – Ты ведь всегда был таким, да?

– Бобби, слезь с него, – сказал один из мальчишек. – Слезь, вон его мама.

И тут он увидел, что это правда. По тротуару шла женщина и толкала коляску.

Мама Даги. Мама Уилбура. Эдит.

На ней было летнее платье с цветочным принтом, которое она, вероятно, сшила сама. Она покраснела и выглядела растерянной, словно в трансе. Затем она увидела, как Даги дерется, и лицо ее изменилось. В мгновение посуровело. Она оставила коляску и подошла, решительно, как собака у мясной лавки.

– Даги, ах ты негодник, немедленно иди сюда!

К этому моменту Бобби уже отступил, а Даги так и размахивал руками. Уилбур наблюдал, как Даги поморщился, когда их мать быстро схватила его за ухо и оттащила.

– Мам, – сказал Уилбур, но она прошла прямо сквозь него. Ребенок заплакал до того, как она дошла до коляски. Только тогда он осознал, что плач ребенка – его собственный.

Мертвые, взирающие на свое прошлое

Станным образом звук плача успокаивал. Он не до конца понимал, почему. Может, потому что младенчество – самый оптимистично чистый этап жизни; ты плачешь, когда тебе плохо, и ожидаешь решения.

– Мам, отстань... – сказал Даги, а остальные мальчишки вернулись к игре.

Уилбур следовал за ними по улице до дома номер 77. Он помнил, что краска на двери когда-то облупилась и потрескалась, но пока до этого не дошло.

– Ох и досталось бы тебе от отца, если бы он был с нами.

– Папа мертв, мам. Гитлер его уколошил.

Она дала Даги легкий подзатыльник.

– Прекрати такое болтать на улице.

– Но так и есть.

– Думаешь, я не знаю? Оставил нас ни с чем, так еще и дополнительный голодный рот добавил.

И она смотрела на малыша Уилбура, как будто он – очередная проблема, без которой ей и так приходилось несладко. Она нашла способ справиться с горем: заменила его обидой.

Она открыла дверь. Наклонила коляску и втокнула ма-

лыша Уилбура внутрь. Даги последовал за ней, опять теребя майку. Дверь захлопнулась. Уилбур попытался ее открыть и обнаружил, что прошел ее насквозь.

Он снова был в доме, в котором родился. Снова в крошечной гостиной, которая казалась еще меньше из-за коричневых обоев, белья на сушилках, которое не помещалось на кухне, и до смешного огромного стола.

Насколько он помнил, это был не совсем стол, а стальное укрытие от падающих с неба бомб, которое правительство выдало жителям, у которых не было сада и, следовательно, кто не мог построить более крупные и безопасные бомбоубежища вне стен дома. Когда он был маленьким, ему нравилось сидеть под ним. Там он чувствовал себя безопасно, словно отец, которого он не знал, все еще был рядом.

А может, он и был *рядом. Может, в этом и есть суть духов. Мертвые, вззирающие на свое прошлое.*

До него начало доходить: он действительно вернулся сюда. Быть мертвым – значит не столько выйти из времени, сколько выбраться за его обычные рамки.

Он вошел в комнату.

Даги сидел, насупившись, в кресле, а мать достала малыша Уилбура из коляски. Она закинула его себе на плечо, а Уилбур подошел ближе. Он внимательно посмотрел на себя.

– Привет, я, – сказал он.

Потом он осознал кое-что. Кое-что совершенно удивительное. Взгляд младенца блуждал, а потом замер. Младенец

смотрел на него. Этот маленький живой Уилбур почему-то уставился на мертвого себя.

Дух

– Привет? Уилбур? Это я... ты, – он помахал рукой своему младенческому «я», а затем шагнул немного в сторону. Младенец следил за ним глазами, в этом не было никаких сомнений. – Я – дух тебя. Да. Ты – это я, и я... Дух.

Он больше не мог воспринимать себя Уилбуром, а думал о себе как о духе, которым являлся.

– Когда-то я был тобой... Теперь моя жизнь прошла. И, оказывается, в ее конце тебе достается возможность путешествовать сквозь нее.

Дух широко улыбнулся. А младенец заплакал.

– Прости, – успокаивал его Дух. – Прости, пожалуйста.

Его мать пошла на кухню и вытряхнула содержимое кошелька. А затем, с большой тревогой и осторожностью, она дрожащими руками тщательно разложила все монетки, даже полпенни и фартинги, по отдельным кучкам, чтобы сосчитать. Дух стоял рядом и напрасно говорил ей, что однажды купит ей дом.

– Ох, Джордж, – сказала она тихонько, переполняемая нежностью, – как же мне жаль, что ты не рядом. Как жаль, что оставил меня одну с еще одним голодным ртом.

Она постояла так некоторое время, потонув в эмоциях, а затем снова обратила внимание на Даги.

– Послушай. Я пошла. Вернусь в девять, когда закончу в

«Портрете королевы»⁹. А ты присмотри за Уилбуром.

– А если он захочет есть?

– Не захочет.

– А если я захочу есть?

– Даги, ты уже поужинал.

– Я ел пюре! А у Джимми Гоуэра будет пирог с мясом и почками.

Эдит вздохнула.

– Повезло Джимми Гоуэру...

Через две минуты после того, как Эдит вышла из дома, Дух наблюдал за тем, как его брат пытается справиться с плачущим младенцем.

– погоди-ка, Уилбур, – ласково сказал он малышу. – Сейчас я тебе кое-что покажу.

И он с топотом взбежал по узкой лестнице. Дух оглянулся и увидел ботинки Даги на кухне: у одного отошла подошва, а кожа потрескалась и была вся в пыли.

Через несколько секунд Даги аккуратно спустился по лестнице с игрушечным поездом, не очень надежно придерживая головной вагон и три задних, а два посередине покачивались в воздухе.

– Знаешь, что это?

Дух смотрел на растерянного маленького себя.

⁹ «Портрет Королевы» (Queen's Head) – распространенное название для британских пабов. Оно символизирует верность монарху или королевское одобрение. Исторически пабы использовали вместо букв изображения для неграмотных посетителей, и одним из самых частых был портрет короля или королевы.

– Это «Герцог Глостерский»! Величайший поезд всех времен! Трехцилиндровый пассажирский экспресс! Первый в мире!

Малыш тихонько вскрикнул и сжал крошечные кулачки, лицо покраснело. Вероятно, колики, но они быстро прошли.

– Не плачь! – сказал Даги. – Все хорошо, честно.

Всю свою жизнь Уилбур думал, что мать на этот поезд просто накопила, потому что, естественно, не мог помнить ни этого дня, ни последовавших признаний своего брата.

– Я раздобыл его в «Редгейтсе»! Это огромный магазин игрушек. Увидел в витрине, потому что он как раз по пути в школу. Я в курсе, что воровать плохо, но еще плохо, когда один маленький ребенок, в отличие от остальных, не получает игрушку только потому, что Адольф сбил его отца в небе. А маме я сказал, что одноклассник переезжает и раздает свои игрушки. Вряд ли она поверила, но разрешила его оставить.

Дух смотрел на свое полугодовалое личико, на широко раскрытые глазки, из которых струилась любовь к Даги и поезду.

– Улыбнулся! – сказал Даги с нежностью, удивившей Духа. – Уилбур, да ты улыбаешься!

Момент прервал громкий стук в дверь, Даги положил поезд на пол, а малыша вернул в кроватку.

– Мигом вернись, Уилбур! Только узнаю, кто там!

А это был тот, кого Даги ненавидел больше всех на свете.

Мистер Паркин

У двери стоял высокий стройный мужчина в элегантном костюме и с выражением сурового безразличия на лице.

Дух тут же его узнал.

Мистер Паркин, домовладелец.

В те дни ему принадлежали не только все дома на Глоссоп-роуд, но и многие другие. А после окончания войны он повышал арендную плату за уцелевшие здания, чтобы компенсировать убытки от разрушенных при бомбежке. Мать Уилбура считала это крайне несправедливым. Потому что Гитлер не только убил ее мужа, лишив семью кормильца, но теперь даже из загробного мира повышал арендную плату.

И тут младенческое «я» Уилбура в другом конце комнаты снова заплакало, да так сильно, что Дух не сразу уловил пронзительный, но отдаленный свист и механическое пыхтение поезда.

Уилбур услышал стук колес и увидел, как состав остановился на улице позади ничего не подозревающего мистера Паркина. Клубы пара устремились в небо. Это видение было для Уилбура таким же четким, каким невидимым для живых. Но он остался, чтобы досмотреть разворачивающуюся перед ним сцену.

– Мамуля твоя дома? – спросил мистер Паркин.

В его голосе слышалось что-то жутковатое, или, по край-

ней мере, Дух всегда так это воспринимал. Словно пантера кралась сквозь заросли.

– Нет, она на работе.

На лице Даги читалась дерзость. Дух подумал, каково ему чувствовать себя защитником, будучи еще совсем юным.

– Что ж, настала пятница. Она оставила для меня деньги?

– Кажется, нет, – пожал плечами Даги.

Мистер Паркин поднял брови.

– Тебе кажется, нет. Очень важно, маленький Дуглас, чтобы люди сдерживали свои обещания... А твоя мать, боюсь, очень плохо с этим справляется. Не бери с нее пример. Ведь в Священном Писании так и говорится: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои¹⁰.

– Мне Писание не очень нравится, – сказал Даги с привычным бесстрашием. – Только история о ковчеге ничего. Мне нравится, что Ной спас животных.

– Мне тоже по душе история о ковчеге, – улыбнулся мистер Паркин, и в нем как будто бы на мгновение проступила доброта. Дух, конечно, не помнил его добрым. Он всегда был просто строгим и беспринципным, злобным домовладельцем, но нельзя прожить больше восьми десятилетий и не осознать, что люди – существа сложные. Или что внутри них есть что-то, что противоречит тому, как они воспринимаются внешне. – Мне нравится, что Ной принял вызов и своевременно построил ковчег. Кстати, о своевременности:

¹⁰ Евангелие от Матфея 5:33, Синодальный перевод.

передай матери, что я – человек щедрый, но моя щедрость имеет предел. И что завтра утром я вернусь... Передай ей, что благотворительностью я не занимаюсь.

С этими словами он развернулся на каблуках и сделал буквально два шага до соседнего дома, в который тоже постучался за арендной платой.

Даги закрыл дверь, Уилбур увидел тревогу на лице брата – девять десятых ярости, одна десятая страха – и ему захотелось успокоить его.

– Все хорошо, Даги.

Прозвучало бессмысленно, даже для духа.

Затем раздался другой голос.

– Ох, старина. Спотыкаешься на первой же кочке...

Она оказалась прямо там, рядом с ним, такая же незаметная для живых, как поезд.

– Агнес.

– Ты же обещал направиться к поезду, как только услышишь его... – раздраженно сказала Агнес. – Что время тянешь? Давай уже на борт.

Уилбур в последний раз взглянул на Даги и попрощался, прежде чем пройти обратно сквозь кирпичи и подняться по металлическим ступенькам в головной вагон. При этом он заметил, что рельсов тут нет, в отличие от той заброшенной станции. И все же, когда поезд начал медленно отъезжать от этого дня, он двигался плавно, прямо и уверенно, как будто шел по рельсам.

– Я видел себя.

– В этом и весь смысл.

– Нет. Я имею в виду, что моя младенческая версия могла видеть... – сказал он, помахивая руками.

– Что ж, вполне возможно, – равнодушно кивнула Агнес. – Младенцы – величайшая загадка Вселенной, их никто не понимает.

– Так что же, когда я встречу более взрослые «я», они меня тоже увидят?

На мгновение ее взгляд стал угрюмым.

– Нет. И даже если, что маловероятно, они смогут тебя увидеть, не пытайся привлечь их внимание. Не вмешивайся, Уилбур. Ты в стадии принятия. Это путь к вечности. Единственный путь. И тут есть свои правила. Ты садишься в поезд и сходишь с него тогда, когда нужно. Никогда не пытайся заговорить с собой. И *никогда* не находишься рядом в тот момент, когда ты засыпаешь. Раз, два, три. Понял?

Но он не понял. Как и то, к чему такая бескомпромиссность.

– Послушай, я благодарен, что ты решила стать моим проводником. Но мне не ясно, почему все должно быть именно так. Я уже мертв. К чему вся эта строгость? Когда я маленьким заходил в книжный магазин, ты была добра ко мне. Рекомендовала, какие книжки почитать...

Она посмотрела на Уилбура так, словно он ничегошеньки не уловил.

– Было бы неправильно с моей стороны быть не *настолько* строгой, Уилбур. Ты говоришь о книжках. Но что они такое, если не продукт правил, которым следуют? Даже мой любимый автор, великий мистер Рэймонд Чандлер, известный скорее своим стилем, чем сюжетами, говорил, что его стиль – это «продукт дисциплины, тщательно натренированной восприимчивости». И с жизнью так же, как с книжками. Как и – нет, *особенно* – со смертью. Без дисциплины ты не поймешь свою собственную историю; без дисциплины ты собьешься с курса; без дисциплины ты не доберешься до вечной цели в конце пути. Следовать правилам скучно. Но это также единственный вариант.

– Но ведь писатель волен что-то менять. Писатель *редактирует*.

Агнес смутилась и даже слегка выпятила нижнюю челюсть, обдумывая сказанное.

– Должна признать, в этом что-то есть. Очень незначительное, но все же. Однако главное то, что я пытаюсь уберечь тебя.

Прозвучало странно: уберечь его. В конце концов, он мертв. И все же нельзя было не признать, что ему это даже понравилось. Понравилась старомодная и какая-то непреклонная манера Агнес. Последние несколько десятилетий его жизни были довольно бессистемными и одинокими. Он дрейфовал, как семечко смоковницы. И предполагал, что для того, чтобы справиться с чем-то настолько диким, как

смерть, нужен кто-то знающий правила. Особенно если в деле замешан поезд. И все же оставался еще один вопрос.

– Но если есть что-то, что я сделал не так?

Лицо Агнес внезапно смягчилось. Проступила улыбка, за которой последовал ласковый смех.

– А это, старина, означает, что ты жил.

Проносится так быстро

За окном проносились обломки его детства:

кусочек кованых школьных ворот;

он сам, лежащий на кровати с библиотечной книгой «Веселые приключения Робина Гуда»;

галантерея, где в детстве он проводил многие часы, пока его мать выбирала ткани для одежды или занавесок;

вот он вышел из книжного «Багдейл» с пустыми руками и направился обратно в сторону библиотеки.

Он встал и прошел по поезду, который катился по невидимым рельсам. Наконец он сел на одну из длинных, обитых зеленым бархатом скамеек.

Уставившись в окно, он заметил лежащий на кухне зонтик мистера Паркина.

Мать он видел лишь сердитую на Даги или глядящую на маленького Уилбура так, будто тот был очередной проблемой.

Затем что-то более радостное.

Дом с незримыми стенами. В том доме он никогда не жил. Но будучи юным художавым мальчишкой стоял там посреди переполненной взрослыми и детьми гостиной и впервые смотрел телевизор.

– Второе июня 1953 года, – произнес он вслух, словно отвечал на вопрос в викторине в пабе, а не сидел одиноко в

вагоне.

Он вспомнил, что это коронация. Дом миссис Йелланд. Под номером 40. Первый на их улице, в котором появился телевизор. Еда – единственное, что он хорошо запомнил об этом дне. Это был тот редкий день его детства, когда у него ни разу не заурчало в животе. Сэндвичи с рыбным паштетом и коронационный цыпленок¹¹.

А потом, когда поезд двигался сквозь время, все исчезало.

Она тревожила его. Скорость, с которой он ехал. В его детстве было не особо много исключительно замечательных дней, но этот был как раз таким, поэтому он удивился, что поезд не сделал остановку. Может, их больше не будет до самой его смерти. Может, в этом и дело. Может, ты видишь себя младенцем, видишь себя умирающим, а все остальное проносится между этими двумя точками. Возможно, были только форзацы.

Но нет, он почувствовал, как поезд снова начал замедляться, и увидел себя читающим на кровати.

Он посмотрел в окно на другой стороне.

Пластинка Элвиса Пресли крутилась на старом проигрывателе в «Молочном баре», куда Даги привел его в одну из суббот.

Затем и это растворилось, превратилось в ничто, как все остальное, и в мгновение ока Полночный поезд остановился.

¹¹ Холодное блюдо британской кухни, созданное в 1953 году специально по случаю коронации Елизаветы II.

Пыль

Он находился внутри книжного магазина «Багдейл».

Было довольно темно, темнее, чем ему помнилось, а в воздухе, в лучах солнца, висела пыль.

Мальчик лет тринадцати штудировал книжную полку. Высокий, на вид слегка напряженный, он вытаскивал томик с заголовком «Старик и море».

Дух стоял и наблюдал, как мужчина в кардигане и очках с толстой оправой заметил мальчика и поковылял в его сторону.

– Мистер Багдейл, – пробормотал Дух, когда мужчина прошел сквозь его призрачное тело, словно одержимый какой-то яростной миссией.

Владельцу магазина было всего-то лет сорок, но выглядел он на все двадцать старше. Он прихрамывал и разговаривал хриплым голосом из-за курения трубки и возлияний виски.

– Ты! – сказал мистер Багдейл.

Но юный Уилбур открыл уже первую страницу и увлекся простотой стиля.

– Я сказал: *эй, ты!*

Дух помнил этот момент. Или, по крайней мере, ему так казалось. Но такое случилось не единожды. Это происходило постоянно.

Уилбур обернулся.

– О. Здравствуйте, сэр.

В конце концов, в то время каждый взрослый мужчина с сердитым выражением лица – а их было множество – автоматически становился «сэром».

– Есть ли хоть один-единственный шанс, что ты купишь эту книгу? Ту, которую ты треплешь?.. Или это обычай у тебя такой: заваливаться сюда по субботам без гроша в кармане?

Книжный магазин «Багдейл» теперь был совсем не таким, как во времена, когда им заведовала миссис Агнес Багдейл. Юный Уилбур этого не застал, но слышал, что говорили люди. Его новая учительница литературы, мисс Грэм, например, вспоминала, как «раньше можно было зайти, споткнуться о собаку и приземлиться на счастливую стопку детективных романов». Теперь же все более официально, а книги стоят на полках. Хаос исчез, но вместе с ним и клиенты.

В отличие от матери, мистер Артур Багдейл особо не любил книги – как и читателей с авторами – и руководил магазином как любым другим делом. Здесь с читателями не считались, если те не тратили деньги. А Уилбуру, конечно же, тратить было нечего.

– Убирайся отсюда, пацан, если не собираешься ничего покупать.

Затем из-за прилавка послышалось недовольное цыканье. Уилбур обернулся – его дух вместе с ним – и увидел хруп-

кую старушку, которая сидела и читала роман под названием «Долгое прощание»¹².

– Артур, да отстань ты от мальчика, – сказала она.

– Агнес, – произнес Дух, узнав ее.

– Не лезь, матушка, это уже не твой магазин.

Агнес хитро улыбнулась и сказала:

– Знаю, потому что в мой покупатели заходили.

Мистер Багдейл потянулся в карман за плоской фляжкой.

Сделал глоток.

– Этот мальчишка – не покупатель. Он просто халявщик.

Вот почему я убрал стулья, матушка. Мы же не хотим, чтобы люди просто сидели и читали...

– О нет, это было бы ужасно, – иронично сказала она. –

Книжный магазин с читателями.

– Матушка, прошу.

– Книги предназначены для чтения. И хорошее правило для книжного магазина – делать так, чтобы люди влюбились в книги. А ты не следуешь ни единому моему правилу...

– Я зарабатываю деньги, матушка, а не держу бесплатную библиотеку.

– А я-то решила, что ты держишь винокурню, – проворчала она, – со всеми этими частыми дегустациями.

– Я навел тут порядок. И без твоих правил. Раньше, матушка, здесь был бардак.

– Радостный бардак, который подчинялся очень строгим

¹² Детективный роман Рэймонда Чандлера 1953 года.

правилам. Правила полезны. Благодаря им вещи оживают. А у тебя – никаких правил. Только несносный характер, Артур. Тебе самому нужно больше читать.

А затем она посмотрела на юного Уилбура, после того как мистер Багдейл выхватил у него книги и втиснул ее обратно на полку. Она положила свое чтиво на колени. В последнее время шляпку она не носила, но на ее седых волосах красовалась короткая элегантная стрижка, а на плечах – красная вязаная шаль.

– Не обращай на него внимания, старина.

Дух улыбнулся. Было удивительно уютно вспомнить, что Агнес называла его «старинной», даже когда ему было двенадцать лет. А затем – это он тоже вспомнил – старушка достала свой кошелечек и положила на прилавок несколько шиллингов.

– Вот. Тебе нужно ее прочесть. Хорошая книга...

Мистер Багдейл кинул на нее презрительный взгляд.

– Матушка! Мы же не можем раздавать книга за просто так!

– Это не просто так... Это деньги. Я плачу за книгу из своей собственной пенсии.

Уилбуру стало неловко и немного стыдно. Он знал, что его брат взял бы деньги без колебаний. Что уж там, Даги уже засунул бы книгу за пазуху и вышел с ней из магазина.

– Не стоит. Я возьму ее в библиотеке...

И Уилбур быстро вышел в серый полдень, а его дух стоял и

смотрел, как головная часть «Полночного поезда» заезжает прямо в магазин.

Дух Агнес высунулся наружу. Сначала она посмотрела на прежнюю себя, а затем на сына, который снова глотнул из фляжки. По лицу было трудно прочесть, что она чувствует или о чем думает. Но натянутая улыбка выдавала сдерживаемые и сильные эмоции.

– Давай, Уилбур, нам пора дальше.

Принятие

– До следующей остановки осталось немного, – сказала Агнес, пока Уилбур смотрел на проносящиеся мимо старые школьные годы.

– Значит, ты тоже видела, как проносится вся твоя жизнь?

– Да. Давным-давно.

– И как? Тяжело было?

Она улыбнулась, сглотнула и сказала:

– Всегда тяжело. В некоторых местах. Но вот как я смотрю на это: книга может вызвать бесконечное количество эмоций, но, дочитав, ты закрываешь ее и ставишь обратно на полку... Какой остается выбор, кроме как... принять?

– Не знаю...

– Ладно, старина, смотри-ка. Мы останавливаемся...

На одной стороне вагона Уилбур был в библиотеке, а на другой – читал комикс вместе с другом Чарли. А потом все исчезло, как обычно, когда поезд прибывал на остановку.

– Когда это?

– Ой, да ничего важного. Просто первый раз, когда ты увидел ее...

Первый раз, когда он увидел ее

Он снова был там.

На Глоссоп-роуд.

Оглядевшись, он отметил, что стоит *почти* на том же месте, где поезд останавливался в прошлый раз. Только теперь на самой дороге.

Он увидел, что обломки убраны. На их месте небольшим рядом тянулись недавно построенные муниципальные дома из красного кирпича.

И тут Дух обернулся и увидел свое «я» – в видавшей виды школьной форме и изодранных ботинках с дырками на мысках, – сидящего на крыльце и сосредоточенно читающего Хемингуэя.

Он часто так делал, вспомнил он. Наверное, прочитал всю библиотеку. Книги для детей, книги для взрослых. Все нестареющие сказки, одну за другой. «Три мушкетера», «Остров сокровищ», «Франкенштейн», «Луна и грош», «Таинственный сад», «Ребекка», «Моби Дик», «Зов дикой природы», «Неуютная ферма», рассказы Кафки и странный, но захватывающий научно-фантастический роман под названием «Изобретение Мореля», который он взял в руки, потому что автор был из Аргентины, и ему было интересно, как устроено воображение в тех далеких краях.

Истории были его игровой площадкой. Его свободой. Бла-

годаря им он мог притворяться богачом, искателем приключений, героем, злодеем или просто сытым до отвала. В зависимости от книжки, он мог представить себя преодолевающим трудности или живущим в величии. Они давали ему пространство для существования за пределами красных кирпичных стен и ограниченной жизни на Глоссоп-роуд.

Дух помнил их все. Иногда, как сегодня, это была книга, которую он первый раз заметил в «Багдейле», а иногда просто что-то, на что случайно наткнулся в библиотеке.

– Ах, Уилбур, – вздохнул Дух.

Уилбур оторвался от страницы немного отдохнуть и что-то обдумать. Его взгляд устремился куда-то вдаль, на тротуар, где блестели осколки разбитой пивной бутылки. Затем он вернулся к чтению.

Учительница литературы мисс Грэм побудила его смотреть на книги как на средства достижения цели, пути к жизненным возможностям. Но для Уилбура чтение было чем-то бóльшим. Он читал не потому, что хотел получить хорошую работу. Хотя совершенно точно *хотел* получить хорошую работу, когда настанет время. Но нет. Он читал, потому что истории давали возможность расти за пределами того мира, который выпал ему. Они помогали ему чувствовать, будто жизни, о которых он читал, переплетаются с его собственной, как нити бесконечного каната. Истории наделяли его силой.

Всякий раз, когда погода была теплой, хоть чуть-чуть, он

сидел на улице и читал. Он не был и никогда не станет особенно общительным, но ему всегда нравилось находиться снаружи, а не прятаться от мира.

Иногда, когда мальчишки играли в футбол, в его сторону летели колкости, но обычно никто его не трогал. Все знали, кто его брат, а Даги к тому времени было уже девятнадцать, и он с радостью и воодушевлением мог навалить любому, кто проявит неуважение к его семье. Он, наверное, мог и покусать: было в нем что-то звериное.

Уилбур – Дух – подошел ближе.

Оказавшись рядом, он немного постоял, а затем с легкостью присел рядом со своим «я». Он снова обладал гибкостью двадцатидевятилетнего.

– Тебе нравилась эта книга, да? – спросил он юное «я». – Который раз ее читаешь? Второй или даже третий?

Конечно, ответа не последовало. Сознание юного Уилбура находилось на другом уровне от сознания его призрачной формы. Но, вспомнив, как младенческое «я» следило за ним взглядом, он, преисполненный надеждой, вытянул руку перед глазами юного Уилбура. И помахал ею.

– Ну же. Посмотри. Видишь меня? Однажды ты меня уже увидел, дружище. Получится снова?

Но нет. Ни единого проблеска в этих любопытных глазах.

По тротуару шли две девочки. На них была форма, но не школы «Уиллоу-Парк». Примерно ровесницы Уилбура, может, чуть старше. Они учились в «Де ла Салле», гимназии на

другом конце города. Ничего удивительного в этом не было: Глоссоп-роуд тянулась до самого центра, и сюда часто захаживала молодежь из других районов, направлявшаяся после уроков поглазеть на витрины магазинов или послушать рок-н-ролл в «Молочном баре».

У девочки справа были рыжие волосы, веснушки и хмурое выражение лица, из-за которого создавалось впечатление, что к жизни она относится с долей сарказма.

Другая девочка держала перед собой школьный ранец. В отличие от подруги, в ней ощущалось спокойствие. Вот тот первый раз, когда он увидел ее, первый раз заметил ее улыбку и мудрость во взгляде.

Это была Мэгги.

Он помнил этот день. И, как он полагал, именно поэтому поезд и остановился. В жизни бывают дни, которые пролетают незаметно и о которых больше не вспоминаешь. А бывают дни такие любимые или важные, которые вмещают в себя все, что последует потом. Дни-матрешки, которые всегда были внутри расширяющегося будущего.

И вот он снова наблюдает за этим, в мельчайших подробностях.

Девочка с рыжими волосами – ее звали Дорин Тейлор, как он позже узнал – толкнула подругу и указала на изумительное зрелище перед ними. Странный худой мальчишка читает прямо на улице. А он теперь заметил то, что ускользнуло от него в первый раз. В момент, когда Мэгги Шоу впервые

взглянула на него, на ее лице, казалось, читались изумление, любопытство и участие.

Затем Дорин заговорила.

– Фу ты ну ты, Мэгги, парень сидит на улице и думает, что тут ему библиотека.

– Не обращай на нее внимания, – поддразнила подругу Мэгги. – Она-то ни одной книжки не прочитала.

– Заметно, – Уилбур едва сдержался от улыбки.

Мэгги рассмеялась.

Дорин же было не до смеха.

– Нахальная дурочка, – она слегка толкнула Мэгги к стене локтем.

– И что же ты читаешь? – спросила Мэгги, наклонив голову, чтобы рассмотреть обложку.

– «Старик и море».

– О чем она?

– О старом рыбаке, которому ужасно не везет, потому что он никак не может ничего поймать, но однажды ловит рыбу, а она оказывается слишком большой для его лодки, и...

– Какая нудятина, – сказала Дорин.

– Ага, откровенного говоря, да, – согласилась Мэгги. – А я читаю «Как зелена была моя долина». Мне нравится. Персонажи почти как люди, только лучше, потому что с ними не нужно разговаривать.

Уилбур поднял на нее взгляд и поднялся. Было в ней что-то такое, из-за чего ему захотелось стать выше ростом.

– Да. С народом часто не о чем поговорить.

Дорин кивнула.

– Мой папа так говорит. И он тоже несносный, – сказала она, а потом неожиданно добавила: – Работает бригадиром на Хоук-стрит.

– Там сталелитейный завод, – объяснила Мэгги.

– Знаю.

– Твой отец там же работает? – спросила Дорин. – Может, мой папа – начальник твоего?

– Нет. То есть, раньше работал. Он погиб на войне. Был летчиком. Я не знал его.

И что-то в лице Мэгги слегка дрогнуло, как будто при этих словах от него откололась часть его боли и выстрелила в воздух. И тогда, и потом она была не в состоянии скрывать эмоции на лице, как река не может удержать рябь от брошенного камня. И Уилбур образца 1958 года почувствовал себя отвлеченно от того, что увел разговор в унылое русло.

– Соболезную, – сказала Дорин. На самом деле, в глубине души она была доброй. – Это ужасно.

– Не стоит, все в порядке. Нельзя скучать по тому, кого даже не знал. – Возможно, большей лжи ему и не доводилось произносить, так что он захотел сменить тему. – Я хотел бы стать писателем.

Вообще-то даже тогда он не был до конца уверен. Но именно в тот момент хотел. Стать тем, кто написал «Как зелена была моя долина».

– Да ладно? – усомнилась Дорин. – Правда? Как по мне, так писатели похожи на салат-латук.

– Латук? – спросила Мэгги.

– Ага, важные и скучные до безобразия, но якобы полезные.

Он показал ей обложку своей книги и повторил то, что говорила ему мисс Грэм:

– Эрнест Хемингуэй вовсе не латук. Он взрывал нацистские субмарины на собственной лодке своей же взрывчаткой.

– Мэрилин не считает их скучными, – добавила Мэгги. – Даже замуж вышла за писателя¹³.

Дорин наклонила голову.

– Врешь ты все!

– А вот и нет!

– Мэрилин Монро?

– А ты другую знаешь?

– Но она же могла захомутать Рока Хадсона. Или Марлона Брандо... – Глаза ее расширялись с каждым новым именем. – Могла заарканить даже *Элвиса Пресли*. На кой ей сдался *писатель*?

Какое-то время в воздухе висело ощущение загадки.

– Не знаю, – сказала Мэгги. – Странно. Может, он ей просто нравится, – она улыбнулась Уил-буру, он улыбнулся в

¹³ В 1956 году актриса Мэрилин Монро вышла замуж за писателя Артура Миллера. Их брак продлился пять лет.

ответ, а его Дух стоял рядом и осознавал всю важность момента, которую они не понимали. — Думаю, я хотела бы стать писательницей, на самом деле, — продолжила она. — Всяко лучше, чем секретаршей или домохозяйкой.

Дорин выказала отвращение.

— Ой ли? Я вот не могу *дождаться*, когда стану домохозяйкой. Буду примерной католичкой и рожу двадцать детей.

Наблюдая за происходящим, Дух припомнил, когда видел Дорин в последний раз, примерно в 1980 году. Она как раз бросила своего мужа-недотепу и их рыбную кафешку, чтобы наконец обрести любовь и примириться с собой в отношениях с женщиной по имени Роза, с которой познакомилась на отдыхе в Лайм-Реджисе, пока штудировала открытки. Глядя на нее сейчас, Уил-бур заметил в ней печаль и отчаянную чрезмерную попытку соответствовать принятым в обществе нормам.

Тем временем юный Уилбур был мгновенно заморожен смехом Мэгги.

— Девятнадцать мальчиков и одна девочка, — продолжила Дорин. — Назову ее Жаклин. Маленькая Джеки. Прямо вижу ее косички. И вообще, я думала, ты хочешь стать художницей.

Мэгги тут же смутилась.

— Не то чтобы...

— Ей нравится рисовать, — объяснила Дорин. — У нее хорошо получается. Даже лошади.

Мэгги сменила тему.

– Мы идем в центр. Хочешь с нами? В «Молочный бар».

– Да уж, – сказала Дорин. – Похоже, молочный коктейль тебе не помешает.

Уилбур задумался. Мать возражать не будет. Она все равно скоро уйдет на смену. Но у него совсем не было денег, не считая нескольких фартингов в банке из-под варенья наверху, и он сомневался, что этого хватит даже на один стакан.

– Не знаю, – сказал он.

Мэгги посмотрела на его ботинки. На маленькую дырочку на носке. Его обуял стыд.

– Угощаем, – сказала она, глядя ему в глаза.

И что-то в ее взгляде успокоило его, словно она нисколько его не осуждала. И, возможно, именно это и было тем самым зернышком, посеянным в его сознании, которое спустя годы расцветет смелостью, столь необходимой, чтобы пригласить ее на свидание.

– Хорошо, – сказал он. – Я с вами.

Но затем, как это часто бывало, когда юный Уилбур стоял на пороге счастья, реальность явилась за данью. Словно у него был ангел-хранитель, только наоборот, который испытывал его, портил ему настроение и заранее озлоблял его.

Осколки

– О нет, – пробормотал Дух самому себе. – Это я помню.

Он первым увидел машину, которая вскоре подъедет и остановится прямо рядом с ними.

Причем не просто какую-то старую развалюху.

Сверкающий, элегантный черный «уолсли», крадущийся по дороге угрожающе, как пантера. Машина, которую в XXI веке можно представить только на свадьбе с сидящей внутри невестой. Но у этой над лобовым стеклом красовалась синя-белая табличка с надписью «ПОЛИЦИЯ». Уил-бур встал, сгорая от стыда, и поплелся по улице.

– погоди, – сказала Мэгги.

Уилбур не знал, что делать, поэтому остановился и просто стоял, глядя на машину и двух полицейских на передних сиденьях.

– Они за тобой? – прошептала Дорин, стараясь звучать шутливо. – За то, что читаешь скучные рыбные книги на улице?

– Нет.

Уилбур уже видел своего брата на заднем сиденье. Из машины вышел полицейский. У него было вытянутое, серьезное лицо, и он пронзительно смотрел на Уилбура.

– Ого, – произнесла Дорин, когда полицейский открыл заднюю дверь, и оттуда вышел Даги.

Это был Даги образца 1958 года. Даги-бунтарь. Зализанные волосы, туго застегнутая рубашка, узкие джинсы, белые носки и огромные броги, которые он прозвал «жукодавами». Тот самый, который пригвождал Уилбура к стене во время их стычек и воровал у него еду, когда мама не видела.

– Что за отщепенец? – спросила Дорин намеренно громко, чтобы все слышали.

Уилбур пожал плечами. Он быстро повернулся к девочкам, но недостаточно быстро, чтобы избежать взгляда Даги.

– Без понятия.

Когда ему было надо, Даги проявлял проницательность. Он все слышал. Дух заметил боль на его лице.

– Очень приятно, Уилбо.

Дорин рассмеялась. Мэгги поморщилась от неловкости. Юный Уилбур повернулся лицом к разворачивающейся сцене.

– Мать дома? – спросил его офицер.

– Не знаю, – вздохнул Уилбур.

– Еще как знаешь, – сказал его Дух. – Не ври полиции.

Но, конечно, это было неважно. Случится то, что должно, и ему не остается ничего другого, кроме как наблюдать. Больше духу было неподвластно.

Уилбур уставился на Мэгги и хотел телепатически передать ей, что он не просто плохой младший брат, который стыдится своего старшего родственника. Что его жизнь сложнее.

И каким-то образом взгляд Мэгги дал ему почувствовать,

что она поняла его. Это была одна из ее особенностей – способность прочесть чью-то книгу лишь по одной странице.

Тем временем на лице Даги появилась редкая улыбка. Уилбур тогда ее не уловил, а его Дух теперь заметил. В его характере была такая интересная черта: Даги приходил в равновесие только тогда, когда проблемы внутри его головы совпадали с проблемами, которые он создавал во внешнем мире.

– А ты – темная лошадка, дружище, – сказал Даги, глядя на Уилбура и двух девчонок, пока оба полицейских тащили его к двери дома номер 77.

– Ох, сейчас будет представление, – захихикала Дорин, а Мэгги резко толкнула ее локтем. – Дневной сеанс.

И Уилбур, и его Дух почувствовали жжение стыда и боли, когда мать открыла дверь. Она явно пила шерри, который покупала в пабе подешевле, щеки покраснелись, на лице – растерянность. Это что-то новенькое. Обычно она пила только на выходных или после смены, но не до.

– Господи боже, что он натворил?

– Короче, – сказал Уилбур, – идите без меня. Я нужен маме.

Дорин хихикнула.

– Мы можем остаться. Тут весело.

– *Рини!*

И Мэгги потащила подругу за руку за собой, а Дух наблюдал, как его юное «я» смотрит вслед девочкам, уходящим к

мороженому, молочному коктейлю и музыкальному автомату.

Но вдруг она остановилась. Обернулась.

– Я – Мэгги, кстати, – сказала она. – Мэгги Шоу. А это Дорин, но я зову ее Рини. А как тебя зовут?

А он стоял в своей потрепанной форме.

– Уилбур. Я... Уилбур.

– Хорошо, Уилбур.

– Осторожнее там, – добавил он с искренней заботой. – Кто-то разбил бутылку, и везде осколки.

– Вижу. Спасибо.

– Ну прям рыцарь в сияющих доспехах! – рассмеялась Дорин. – А брата своего стыдится.

И Мэгги хихикнула, когда они пошли вниз по пологому склону холма, затем оглянулась и улыбнулась ему.

Глядя, как Мэгги уходит, он почувствовал неловкость из-за того, что она вкусила его хаотичной жизни. Она бросила на него еще один взгляд, полный очевидной искренней заботы и теплоты. То не была любовь с первого взгляда. Но своего рода глубокая и мгновенно возникшая дружба, невидимая нить в воздухе между ними, за которую он не знал, как ухватиться.

– Увидимся еще, Уилбур.

Тем временем профессионально надутый полицейский вынимал складной нож Даги из своего кармана.

– Мы поймали его в центре, миссис Бадд. Хулиганил со

своими дружками. При нем было вот это. Сейчас даже владеть такой штуковиной запрещено. Так что, если его поймают снова, могут упечь за решетку.

И Дух знал, что ждет его дальше. Помнил семейную ссору тем вечером. Помнил, как мама пропустила смену и расцарапала кожу до крови, и плакала, и бесилась, и называла его брата Сатаной, и, кажется, сама в это верила, и он помнил, как Даги пинал стены и разбил кулаком окно. Помнил, как лежал на кровати, пытаясь сбежать внутрь своей книги, но не мог сосредоточиться ни на одном предложении. Помнил, как Даги напился маминым шерри, склонился над лежащим в кровати Уилбуром и плюнул ему в лоб.

– Ты ничем не лучше меня, Уилбур...

Но, к счастью, ему не пришлось проживать все заново, потому что именно в этот момент он услышал громкий свист паровоза, который увезет его.

Портрет

Полночный поезд теперь ехал довольно быстро.

Его скорость приближалась к максимально возможной. Хотя рельсов как таковых не было, он беспрерывно издавал характерные для паровоза звуки: свист, механическое пыхтение и грубый грохот колес.

Вагон же был вполне изысканным. Зеленый бархат и лакированные деревянные панели. Элегантные таблички. Между двумя окнами даже висел обрамленный портрет. Традиционная живопись маслом. Уилбур встал, чтобы подойти и рассмотреть его.

Вблизи он понял, что на нем изображен мальчик. Подростковое лицо. Его собственное лицо. То самое, которое он только что видел, когда этот мальчик сидел на крыльце и разговаривал с Мэгги. И на нем – задумчивое, слегка обеспокоенное выражение.

Он не сразу понял, что то был не самый обычный портрет. Пока поезд двигался, человек на портрете менялся. Волосы медленно отрастали, а затем внезапно укорачивались и снова отрастали. Лицо становилось шире и чуть суровее.

Портрет старел вместе с путешествием сквозь время.

Он сел напротив, чтобы понаблюдать за ним.

– Довольно точный, старина.

Он вздрогнул, обернулся и увидел, что Агнес сидит ря-

дом.

Она улыбнулась.

– Улавливает самую твою суть.

Она мельком увидела его за окном, читающего на крыльце Оскара Уайльда.

– Но, стоит отметить, он – не портрет на чердаке. Совсем наоборот. Ты стареешь вместе с картиной. Она точно показывает, где – прости, то есть, *когда* – ты есть. Как называется эта скверная чудо-машина из XXI века? Спутниковая навигация. Вот тут почти так же... Только красивее. Потому что ты-то и правда симпатичный парень. По крайней мере, был, давным-давно. Даже если сам никогда так не считал. Сколько девушек мечтало о тебе... Хотя ты, на самом деле, мечтал только об одной...

Колеса стучали все чаще, а Уилбур вцепился в скамейку, чувствуя какую-то пустотную тошноту, которую могут ощущать только мертвые.

– Почему все ускоряется?

– Так устроена жизнь. Будь я тобой, Уилбур, я бы не отвлекалась. Иначе можешь многое упустить. Это – твоя молодость.

– Некоторые вещи я не против пропустить.

– Да, но чем больше отстраняешься от чего-то, тем настойчивее оно тебя нагоняет.

Он кивнул.

– Но если это то, с чем ты не можешь быть готов по-на-

стоящему столкнуться? Что-то, что спихивает тебя с рельсов каждый раз, когда ты оказываешься рядом?

– У Полночного поезда нет рельсов, – доброжелательно улыбнулась Агнес. – Особенно если он уже в пути. В этом его великолепие. Он едет туда, куда тебе нужно, когда бы это ни было. Время не однородно.

Уилбур понял, о чем она. Он прожил достаточно долго, чтобы знать: время и значимость не распределены равномерно. Некоторые периоды личной жизни оказывались относительно пустыми. Как временной эквивалент воздуха. А потом наступал день – а то и минута, – который стоит целого десятилетия. Он становился всем. В нем заключалась сила изменить целую жизнь.

– Полночный поезд, – продолжила Агнес, – едет в места, которые в конечном итоге в совокупности дадут тебе истинную оценку твоего существования. Таким образом, войдя после в вечность, ты будешь полностью понимать себя. И чем глубже это понимание, тем лучше. В этом весь смысл. Цитируя Кьеркегора: «Жизнь можно понять только оглядываясь назад; но жить ее нужно вперед»¹⁴. И поезд предлагает решение. Жизнь, *пережитая* вперед.

Она снова улыбнулась, и ее глаза засияли, как новое утро. Добрая улыбка, в которой в равной степени чувствовались

¹⁴ Сёрен Обье Кьеркегор (1813–1855) – датский философ, лютеранский теолог, поэт и религиозный писатель. Считается первым философом-экзистенциалистом. Приведенная цитата не точная, а сокращенная версия записи из дневника Кьеркегора 1843 года.

и тепло, и беспокойство. Он понял, что она – сложная личность. Наверное, даже более сложная, чем была при жизни. Может быть, именно это делает смерть или вечность. Может быть, она усложняет человека.

Он собирался попросить, чтобы она рассказала ему больше о вечности. Но, кажется, она поняла его вопрос еще до того, как он его озвучил, словно видела мысли в его голове так же четко, как облака в небе.

– Повторюсь, – сказала она, – вечность – изменчивое понятие. Она такая, какой ты ее делаешь. Чтобы извлечь из нее все возможное, нужно познать себя. Окна здесь именно для этого, – на секунду она погрузилась, но потом снова засияла бодрой профессиональной улыбкой. – На этом замолкаю. Чао-какао.

И в то же мгновение она исчезла прямо у него на глазах.

Скорость дружбы

Дни, недели, месяцы, годы проносились мимо.

Иногда все было размыто, а иногда кое-что проявлялось так близко и четко, что он мгновенно это узнавал.

Он видел себя играющего в домино перед включенным черно-белым телевизором в гостиной своего лучшего друга Чарли Эпплвуда.

Ему очень нравился Чарли.

Но поскольку он знал Чарли и во взрослом возрасте, Чарли-подросток как будто чуть стерся из памяти. Чарли с аккуратно уложенными волосами, в безупречной белой рубашке с короткими рукавами, застегнутой на все пуговицы, и нервно улыбающегося.

Тот самый, над кем издевались в школе, кто любил комиксы и малобюджетные фильмы про летающие тарелки. Чарли, мечтающий, чтобы его похитили инопланетяне, и заикающийся, когда мисс Грэм вызывала его читать вслух. Тот, для кого музыка была подобна религии. Тот, кто плакал, когда умер Бадди Холли. Тот, кто, казалось, всегда кивал головой в такт играющей у него в уме мелодии. Тот, чье воображение умело уноситься далеко-далеко в любом направлении. Тот, кто впоследствии станет непризнанным гением математики и физики, длинноволосым хиппи, поклонником песен Джони Митчелл и книг Урсулы К. Ле Гуин (благодаря

ря совету Уилбура), затем ярким фанатом Дэвида Боуи, а потом женатым отцом дочери, которая родится лишь через три десятилетия. Тот, кто будет его сотрудником. Тот, кто будет оставаться его лучшим другом, пока Уилбур все не испортит.

Он помнил странную атмосферу в доме Чарли. Невероятная тишина, даже если родители дома, – все потому, что отец бил мать, за *исключением* тех случаев, когда к Чарли приходил друг, и тогда они притворялись «нормальной семьей». Только там было спокойно. И Уилбур был не просто лучшим другом Чарли, а *единственным* настоящим другом в тот период жизни. Уилбур считал Чарли удивительным и считал, что люди тугодумы, раз видят удивительное только в экстравертах, красноречивых болтунах и драчливых хулиганах. Чарли знал наизусть квадратный корень из 169 и мог объяснить строение атома, а также был одним из тех детей, которые напевали мелодии, не осознавая этого. Они всегда много болтали, но всегда о *чем-то*. Чарли озарило, что главная причина, по которой существуют книги, комиксы, кино и музыка, – это чтобы дать людям высказаться о чем-то, не говоря напрямую.

Он признался Уилбуру, что совет прочитать «Графа Монте-Кристо» вселил в него надежду, что он сможет пережить все что угодно. И все же Уил-буру не нравилось, что над его другом издеваются. А в тринадцать над ним издевались по поводу и без. Из-за заикания, мелодий, которые он напевал, комиксов, узких плеч и вообще из-за внешности, потому что

выглядел он так, будто его сдует даже легкий ветерок.

Дух видел в окно, как его юное «я» получает в нос, потому что заступилось в школе за Чарли.

Спустя мгновение он увидел, как с ним здоровается выходящая из библиотеки Мэгги, а они с Чарли как раз направляются туда, чтобы позаниматься. Друг толкнул его локтем и многозначительно посмотрел.

Он увидел себя сочиняющим стихотворение после того, как доделал домашку.

И вот снова Уилбур и Чарли, в этот раз на улице, наблюдают за верхолазом в кепке, который стоит на высокой лестнице и разбирает кирпичик за кирпичиком огромную промышленную дымовую трубу.

Мир, который, как ему казалось, давно остался позади, был прямо за окном.

Книжный

«Иногда самые важные моменты в жизни оказываются также самыми незначительными», – размышлял Дух.

И иногда люди не осознают, что это и есть самые важные моменты, пока не выйдут из поезда и не оглянутся назад на них.

Как, например, подработка в книжном магазине во время школьных летних каникул 1961 года.

ТРЕБУЕТСЯ ПРОДАВЕЦ КНИГ – ЧИСТОПЛОТНЫЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ. Такое объявление он увидел в витрине магазина «Багдейл». И вот на следующий день – в *этот день* – он вышел на улицу, выглядя таким чистоплотным и исполнительным, как колли на выставке собак.

Агнес Багдейл умерла несколько недель назад, что побудило Артура отнестись к магазину чуть серьезнее и нанять помощь. Конечно, Уилбур немного волновался. В конце концов, мистер Багдейл бесчисленное количество раз отчитывал Уилбура за то, что тот читал книги, но не покупал их.

Итак, ему повезло: зрение Артура Багдейла в последнее время подсело, и он, похоже, не узнал Уилбура. Тем более, Агнес больше не было рядом, чтобы защитить его.

Итак, Уилбур побеседовал с мистером Багдейлом обо всем на свете, и та ворчливость, которую он так часто подмечал раньше, была теперь едва заметна. Разговор пошел еще

лучше, когда он узнал, что отец Уилбура служил в Королевских ВВС. Мистер Багдейл сказал ему, что это возмутительно, что вдовью военную пенсию облагают налогами.

– Я потерял многих друзей на войне, – сказал он. – Многие хороших людей. Мой лучший друг был в ВВС. Погиб где-то над Кёльном. Бедняга Джонси.

Он какое-то время смотрел в пустоту, затем вытащил из кармана фляжку и отхлебнул, закрыв глаза, будто в безмолвной молитве.

Затем, убрав фляжку обратно в карман, он сказал Уилбуру, что тот получит место, если сможет подойти к покупателю в магазине и лично продать книгу.

– Э-э, что? Прямо сейчас?

Мистер Багдейл цокнул языком, ворчливость возвращалась.

– Нет, парень, когда человек высадится на Луну. Естественно, *прямо сейчас*.

– Хорошо. Да. Э... Без проблем!

Уилбур осмотрел магазин и увидел молодого мужчину в очках и с гладкой прической, который, судя по виду, был представителем богемы и явно неместным. Он подошел и заговорил с ним о пластинке Джона Колтрейна, которую заметил в сумке у него под мышкой. Уилбур не особо любил джаз, но мог правдоподобно изобразить интерес.

Мужчина сказал, что он трубач лондонского квартета, который играет в джаз-клубе в подвале отеля «Халламшир».

– Вы читали «Абсолютных новичков»?

– Нет, приятель.

– Там все происходит в Лондоне. Она о молодости, жизни и джазе. Полный комплект.

Мужчина прочитал первую страницу, кивая, словно слушал музыку.

– Это прям мое, приятель. Книжка реально моя.

Дух на мгновение погрузился, вспоминая свою первую продажу. Удовольствие от продажи книг. От того, что нужная книга встречается с нужным человеком. Как тогда, когда над Чарли издевались в школе, и Уилбур точно знал, что он найдет силы в хлестких словах Александра Дюма.

В этом и было его мастерство. Он как будто выступал турагентом воображения. И это мастерство он сохранил на протяжении 60-х годов. Пронес идею, что роман – это мертвая мечта, которая оживает через чтение. Удовольствие от того, что он подбирает людей, которые оценят «Заводной апельсин», «Под стеклянным колпаком» или «Шпиона, пришедшего с холода», было тонким искусством, и он любил его.

Тем временем живущий Уилбур подвел мужчину к кассе.

– Ну, – сказал мистер Багдейл чуть позже откуда-то из-под своих бровей, – моя мать тоже так делала. И я никогда не видел, чтобы кому-то это удавалось так же ловко... Она бы тебя наняла. Точно знаю. Что ж, парень, у тебя теперь есть работа.

Важность малозначительных вещей

Дух следовал за Уилбуром по залитым солнцем улицам из магазина до самого парка Эндклифф.

Он остановился и смотрел, как его шестнадцатилетнее «я» переходит оживленную дорогу к парку, а на стенах зданий позади него красовались яркие недавно нарисованные рекламные объявления «Гиннеса» и кукурузных хлопьев. Он шел к дому Чарли. Походка у него была пружинистая благодаря новой работе по субботам.

На скамейке сидел бездомный в потертом костюме и с косматой бородой.

– Эй, Уилбур, привет. Как поживаешь?

– И вам здравствуйте! Все хорошо, спасибо. Как вы?

– Жаловаться не на что. Солнце на меня светит, а чего еще желать, так?

Он часто видел Виктора в городе и всегда болтал с ним. Виктор Уиллоус. Он участвовал в войне двадцать лет назад, а когда вернулся, у него ничего не осталось. Дом разбомбили, семью он потерял. Он протянул жестяную банку с монетами и погремел ею.

– У тебя-то, небось, не найдется пенса или двух для старого наглого попрошайки?

– Вообще-то, Виктор, – сказал Уилбур с дружелюбной улыбкой, – сегодня вам повезло.

Он любил давать ему деньги, когда мог. И сегодня он мог. Он залез в карман поглубже и выгреб все, что там было. А это, между прочим, три шиллинга.

– Вот уж спасибо, малыш Уилбур, и не только за монеты.

– А за что еще?

Он постучал пальцем чуть ниже правого глаза.

– За то, что видишь. Дело в том, Уилбур, что в этом мире полно людей, которые смотрят, но не видят. На меня смотрят сотню раз в день. Но мало кто видит. Спасибо, что видишь, малыш. Не потеряй это. Продолжай видеть...

– Обещаю, – сказал Уилбур.

– Врешь, – пробормотал его Дух.

Скамейка

Дух смотрел, как юное «я» идет через парк.

Теперь он шел позади Уилбура с примерно той же скоростью. Он вышел на поляну. И тут увидел Мэгги. Она сидела с блокнотом для эскизов на коленях на скамейке, смотрящей на пруд и небольшой скалистый водопад.

Она так сосредоточилась на рисовании, что Уил-бур решил не беспокоить ее и прошел мимо. Между его экстравертной и интровертной сторонами разгорелся внутренний спор, и последняя победила. Мэгги казалась настолько погруженной в процесс, что он не сомневался, – мешать ей не стоит.

– Теперь ты меня не замечаешь?

В отличие от самого Уилбура, его Дух заметил ухмылку на ее лице, когда она это произнесла, не отрывая взгляда от блокнота.

– Нет, – нервно ответил Уилбур, останавливаясь. – Вовсе нет, – он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и это было похоже на встречу с солнцем. От нее ему стало тепло. – Привет, Мэгги.

– А, значит ты не узнал меня? Хотя несколько недель назад я поздоровалась с тобой в библиотеке. Я такая неприметная.

Дух видел, как его наивное шестнадцатилетнее лицо стало

пунцовым.

– Вовсе нет.

Мэгги не сдержалась и рассмеялась.

– Я просто дурачусь. Не напрягайся. Такое вот у меня странное чувство юмора.

– Да нет. Все в порядке.

– Как дела?

– Хорошо. Даже отлично. Я только что устроился на работу. В книжный магазин.

– Потрясающе! – Засияла она.

– Ага, в «Багдейл». Да. Продавать книги куда лучше, чем работать на сталелитейном заводе на Хоук-стрит.

– Уж это точно, – она прикрыла блокнот с эскизами, смущаясь своих рисунков. – Я люблю рисовать, но у меня не очень хорошо получается.

– Это я понять могу, – ответил Уилбур. – Иногда я пишу стихи, но точно не хотел бы, чтобы их кто-то прочитал.

– Жаль. А о чем твои стихи?

– Ой, обо всем на свете. О всякой ерунде. Облака. Вороны. Война. Как-то написал про «Всадников свободы»¹⁵. Ну про тех, которые в Америке.

– А-а-а, политика.

– Иногда да. Но, честно говоря, это очень неудачный стих.

¹⁵ Правозащитное общественное движение в США, основанное в 1960-х годах и ставившее своей задачей борьбу за гражданские права афроамериканского населения.

Она тепло улыбнулась и подвинулась, чтобы Уилбур сел рядом. Получилось у нее очень непринужденно. Это качество, помимо прочих, очень ему в ней нравилось. То, как она всегда поддавалась желанию сделать неловкое нормальным. Забота в своем роде.

Она всегда была такой. Просто жила в *гармонии* с собой. Осознавала, что жизнь будет легче, если заботиться о людях. Она просто делала жизнь более *естественной*.

Они разговорились о всяком. О библиотеке и книжном магазине «Багдейл». О том, как оба хотят повидать мир. О том, как им вроде даже нравится, когда страшно: ей – от фильмов Альфреда Хичкока, ему – от книг Ширли Джексон. О том, как странно они иногда себя ощущают, чужими в собственном городе.

– Мне кажется, никто не хочет, чтобы мы думали, – сказала она, и он кивнул. – Просто делай, делай, делай. Никаких мыслей. Получай хорошие оценки. Одевайся опрятно. Боже, храни королеву. Потом иди работать секретаршей или стань домохозяйкой и всегда сиди дома, а парни вставайте у котлов. Я хочу посвятить жизнь искусству, понимаешь? Наблюдать, а не просто слушаться... Не знаю. Мне говорят, что с такими амбициями я далеко не уеду.

– А мне кажется, уедешь, – улыбнулся Уилбур.

Они обсудили книгу, которую оба любили, – «Вокруг света за восемьдесят дней».

– В детстве я мечтала именно об этом, – поделилась она с

ним. – Хотела сбежать от правосудия и сесть на пароход до Гонконга, как Филеас Фогг.

– Тебе бы понадобился слуга.

– Ты мог бы стать моим слугой, дружище. Почему бы нет? Они захихикали.

Потом говорили о подруге Мэгги по имени Клодетт, которая приехала в Шеффилд еще совсем маленькой вместе с родителями из места под названием Сент-Винсент на Карибах. И обсуждали старомодные взгляды.

– Но я думаю, что все изменится, – сказал Уилбур. – Думаю, молодежь не такая, как старики. Seriously. Мы другие. И дело не только в прическах. Думаю, тут что-то более глубокое. Думаю, мир будет лучше, когда мы повзрослеем. Моя учительница по литературе считает, что грянет революция.

– Не знаю, – ответила Мэгги. – Может, нам нравится так считать. А революция будет просто внутренней. Типа, мы научимся принимать себя. Типа, даже не знаю... вот деревья и вода. Мне нравится приходить сюда, потому что здесь все кажется более настоящим. Тебе не кажется, что мы не так уж сильно отличаемся от других животных? – Она указала на утку. – Становятся ли молодые утки лучше своих родителей? А что, если утка – это просто утка, а человек – просто человек, и мы меняемся не так сильно, как думаем? Утки продолжают крякать, а люди – беситься.

– Ого! А ты циник!

– Не знаю, Уилбур. Может, и так. Но все равно за этим

всем забавно наблюдать.

Эмоции бурлили, как лава. Духу было сложно стоять и смотреть. Он чувствовал, что нужно вмешаться, но помнил, как Агнес велела ему не лезть. Кроме того, вряд ли у него получится, если она говорила правду.

Но какое же это странное чувство – быть там, смотреть назад. Так прекрасно, так ужасно, так невинно, так важно. Слушать их разговор было все равно что наблюдать, как кто-то изучает новый язык.

Начало чего-то. А они оба даже не подозревают об этом. На самом деле, они еще много лет не узнают. Но теперь он задумался. Он представил все их беседы за эти годы как огромное растение, разветвляющееся во все стороны, каждый разговор был разным, но являлся частью чего-то целого, выросшего из первого саженца на Глоссоп-роуд и пытающегося пробиться здесь сквозь землю.

– Мы слишком молоды, чтобы быть циничными.

– Ну, Уилбур, утка в шестнадцать уже старая, – сказала она. – Кря-кря.

Они рассмеялись, а потом немного помолчали.

– Скажи ей, – умолял Дух, но без толку. – Ну же, парень. Не нервничай. Пригласи на свидание. Нет в мире ничего проще, чем пригласить ее.

Наконец, Мэгги сказала:

– Моя мама всегда говорила, что у меня старая голова на молодых плечах. Утверждала, что во мне есть что-то особен-

ное. Думаю, она права насчет старой головы. Мне шестнадцать, но в душе все шестьдесят пять. Еще она говорила, что жизнь проживается неправильно, наоборот. Чтобы извлечь максимум, нужна старая голова на молодом теле.

– У тебя мудрая мама.

Мэгги с печалью посмотрела на воду.

– Да. Была. Она умерла. Два года назад, – она закрыла глаза и слегка поморщилась, как будто вытаскивая острый осколок стекла из пятки. – Даже непонятно, из-за чего она умерла. Но ей было больно. В животе. Все перепробовали. Это было ужасно.

– Ох, соболезную.

– Спасибо. Папа старается изо всех сил. Теперь мы остались одни. Он работает в городском совете. В отделе парков. Вообще-то прямо здесь. Он придет, и мы отправимся в центр. Я часто прихожу в парк. Мне нравится приходить и просто рисовать.

Она с тревогой посмотрела на него. Но потом молча приняла решение показать ему свой рисунок. Уилбур не мог оторвать от него взгляда, ему не пришлось выдумывать вежливый ответ. Это был прекрасный эскиз пейзажа, который раскрывался перед ней. Озеро, деревья, даже маленький водопад.

– Мне очень нравится, – сказал он. – Как красиво. Ты так здорово изобразила всё целиком и при этом уловила все детали.

– Как Полночный поезд, – пробормотал Дух, разглядывая свой прикид из медового месяца – рубашку с короткими рукавами, сандалии и расклешенные джинсы, которые он носил через много лет после этой встречи.

– Импрессионизм, но с акцентными точками, – продолжил Уилбур.

Она посмотрела на него, пытаясь разгадать, не льстит ли он.

– Где ты этого нахватался?

Духу стало неловко, когда Уилбур попытался говорить ма-нерно.

– Чего нахватался?

– Высокопарных длинных слов. *Импрессионизм, но с акцентными точками.*

– Использовать длинные слова – это не высокопарно. Так говорит мисс Грэм, моя учительница по литературе. Она мне нравится. Она немного бунтарка. Говорит, что образование – это инструмент для поддержания классовой системы. Она говорит – нас приучают считать, что только те, кто относятся к высшему классу, обладают интеллектом, чтобы рабочий класс продолжал заниматься физическим трудом и не мечтал ни о чем большем.

– Ладно, Карл Маркс, и о чем же ты мечтаешь?

В тот момент он вообще ни о чем не мечтал. Трудно мечтать, когда пребываешь в моменте, который кажется настолько правильным.

– Ну, я хочу поступить в Оксфорд.

– В университет?

– Да. Когда окончу школу с отличием. Вот чего мне хочется. Изучать английскую литературу и историю.

– Могу представить тебя историком. Вроде того, который по телеку рассказывает о Генрихе VIII и Христофоре Колумбе.

– У нас нет телека, – пожал плечами Уилбур. – Мама и на аренду-то с трудом наскребает. У Даги водятся деньги, но мама их не берет, потому что не знает, откуда они. На работе ему столько не платят. И они ругаются из-за этого, он говорит, что старается ради нее, а она в итоге кричит или разговаривает сама с собой. Извини. Не хотел все это вываливать на тебя.

Она нахмурилась.

– Прости, не хочу показаться грубой, Уилбур, но если вы даже телек себе позволить не можете, то как ты собираешься поступать в Оксфордский университет? Там же дорого.

– Нет, если получить *стипендию*, – он произнес «стипендию» с особым пафосом, как диктор на радио.

– Разве для этого не нужно быть гением?

Он продолжал говорить голосом из радио, потому что, кажется, ее это веселило. И не было на свете большего волшебства, чем когда она улыбалась благодаря тебе.

– Вообще-то, Альберт Эйнштейн – мой хороший приятель...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.